

Возлюбленная Казановы

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Возлюбленная Казановы

Елена Арсеньева

Пытаясь спастись от загадочного проклятия, преследующего князей Измайловых, и от своей роковой любви, Елизавета оказывается в Италии, в свите весьма странной и загадочной дамы. После многочисленных приключений, в которые то и дело попадает пылкая и страстная Елизавета (в их числе бурная встреча с самим Казановой!), она узнает, что ее таинственная подруга – законная наследница российского престола, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Увы, судьба немилостива к бедной царевне... Но после ее смерти самозванкою является в Россию отважная до безумия Елизавета. Обман раскрыт. Заточение в Петропавловской крепости, а потом принудительный брак с самодуром, графом Строиловым, – еще не самое суровое для нее наказание...

Елена Арсеньева

Возлюбленная Казановы

Ю. М.

Только тебе. Всегда тебе.

Часть I

АВГУСТА-ЕЛИЗАВЕТА

1. Русская княгиня

В Риме, почти на берегу Тибра, неподалеку от величественного собора Сант-Джованни и маленькой, изящной церкви Сант-Элиджио-дельи-Орефичи, построенной по планам Рафаэля, некогда проходила улица, называемая Виа Джульетта, – тихая, вовсе безлюдная в полдень, почти непроезжая, так что трава прорастала меж камней ее мостовой. В 1760 году там, как раз напротив роскошного палаццо Сакето, стояла небольшая двухэтажная вилла Роза, выстроенная в античном стиле и, как подобает по названию, почти полностью скрытая со стороны улицы зарослями вьющихся роз. Эта чудная белая вилла пустовала уже изрядное время, к вящему огорчению немногочисленных обитателей Виа Джульетта, на глазах у которых ветшало нежилое строение, зато к радости целой стаи летучих мышей, уже свивших свои гнезда в сем заброшенном человеческом гнезде. Но в июне с ворот виллы Роза наконец-то исчезла табличка о сдаче внаем. Впрочем, новые владельцы пока не появились, и личности их оставались никому не ведомы. Только синьору Джакопо Дито, помощнику управляющего в палаццо Сакето, именно в июне довелось повстречать высокого господина в длинном темном плаще, плотно запахнутом, несмотря на жару. Сей незнакомец поздним вечером выходил из боковой калиточки виллы Роза. Причем из-за шляпы, низко надвинутой на глаза, нельзя было различить его лица. Однако стремительностью движений, повадкой своею он чем-то напоминал орла.

– Ничуть не удивлюсь, если окажется, что его фамилия Аквила[1 - Орел (ит .).], – сказал Джакопо Дито своей жене.

Синьора Агата полагала, что за всяким домysлом непременно скрывается нечистый, а потому сделала за спиной рожки против сглаза.

Вид у этого «синьора Аквилы» был столь таинственный, что Джакопо даже допускал, что пред ним какой-нибудь мятежный корсиканец, сыскавший в Риме укрытие от генуэзской полиции либо от своих же соотечественников[2 - В 1755 г. корсиканцы восстали против генуэзского владычества. Не будучи в силах

самостоятельно подавить восстание, Генуя передала остров Франции. Несмотря на отчаянное сопротивление, Франция в 1769 г. упрочила свое господство над Корсикой. Немалую роль в ее поражении сыграли разногласия среди лидеров восстания.], скорых на расправу. Однако загадочный незнакомец более не появлялся, и ничто не указывало, что именно он является нанимателем виллы.

И вот в один из октябрьских дней по Виа Джульетта вдруг загрохотали колеса нескольких телег, остановившихся... около забытой виллы! Возчики начали вносить в дом укутанные в рогожу вещи. Там, где уголок рогожи нечаянно отставал или был оторван, можно было увидеть темное резное дерево мебели, явно очень дорогой, или краешек мраморной статуи, даже на неискушенный взгляд представлявшей большую ценность.

Следом за возчиками явились пятеро поденщиц и до позднего вечера натирали мебель виллы, отмывали мраморные полы и окна, обметали паутину. Конечно, ниже достоинства синьора Джакопо было бы явиться их расспрашивать, но Агата, бывшая много моложе и проще своего мужа, пришла под окна виллы и заговорила с девушками под предлогом, что хочет пригласить их убрать в палаццо Сакето. Девушки охотно согласились и рассказали, что для работы на вилле Роза их подрядил очень суровый, но очень щедрый господин, велевший называть себя синьором Фальконе. Несомненно, это был тот, кого Джакопо именовал «Аквила», так что он не особенно и ошибся[З - Falkone - по-итальянски «сокол».]

Специально нанятый садовник подстриг лужайку возле лестницы, но не прикоснулся к зарослям у ограды, что вызвало смутные подозрения у синьора Джакопо, который глаз не сводил с происходившего по соседству. Нестриженная садовая изгородь усугубляла таинственность синьора Фальконе...

Через два дня спешное обустройство виллы закончилось. И вот однажды в сумерках, когда стаи летучих мышей кружились над крышей белой виллы, словно не могли решить, воротиться им в привычное обиталище или остеречься происшедших там перемен, тишину Виа Джульетта вновь нарушили цокот копыт и стук колес.

Небольшая наемная карета остановилась у виллы Роза.

Синьор Джакопо, – по чистой случайности, разумеется! – оказавшийся неподалеку, наблюдал, как кучер и лакей сняли с крыши несколько сундуков и узлов и унесли в дом. Затем из кареты вышел синьор Фальконе и подозрительно огляделся, словно желая убедиться в безлюдности улицы. Синьор Джакопо – просто так, на всякий случай, отпрянул в тень ограды. Видимо, Фальконе остался удовлетворен, ибо по его знаку из кареты выскочила вертлявая, проворная особа и присела в глубоком реверансе; затем выбралась маленькая полная синьора.

В следующее мгновение Фальконе снял шляпу и, низко кланяясь, протянул руку элегантной даме в плаще с капюшоном. Когда она ступила на землю, появилась еще одна, удостоенная гораздо меньших почестей. Однако первая дама тотчас подхватила вторую под руку, из чего синьор Джакопо сделал вывод: первая дама – это госпожа, Фальконе – домоправитель, толстуха – нянька или воспитательница, вертушка – горничная, а вторая дама – любимая подруга или бедная родственница госпожи.

Обе синьоры оказались статны и высоки ростом – почти с Фальконе, за коим проследовали на виллу Роза. Шествие замыкали толстуха с вертушкой.

«Какие-нибудь немцы», – почему-то подумал синьор Джакопо не без презрения. Он иногда читал газеты и знал, что немцы ничем не лучше австрийцев, разве что живут где-то на севере. Прежде их называли викинги; они все высоки ростом, голубоглазы и чрезвычайно свирепы нравом.

– Варвары! – буркнул синьор Джакопо с апломбом потомственного римлянина, наблюдая, как Фальконе запирает за собою ворота виллы Роза. – Все это плохо кончится, клянусь Мадонной!..

* * *

Туман, окружавший вновь прибывших, рассеивался медленно.

Они вели замкнутый образ жизни: никого не принимали у себя и никуда не выходили. Синьор Джакопо Дито мог ручаться за это. Он проглядел все глаза, истоптал подметки новых башмаков, отираясь с утра до вечера у ворот виллы Роза, чтобы, словно невзначай, встретить хоть кого-то из ее обитателей. Синьора

Агата чуть свет неслась на базар, подкарауливая молоденькую служаночку соседней среди возов, на которых были навалены уже тронутые осенним холодком плоды загородных садов, полей и огромные кисти винограда. Но та почти не знала по-итальянски, а потому лишь улыбалась, приседала, опускала глазки и лепетала: «Не понимаю».

Вечерами из-за кованой изгороди неслись звуки клавесина, гитары и свежие женские голоса, медленно и печально выпевавшие что-то непонятное. Синьор Дито был против воли растроган благозвучием сего наречия, ибо никогда не мог предположить такой мелодичности в немецком языке. Велико же оказалось его изумление, когда он наконец-то узнал, что вилла Роза была снята не для какой-то там немки, а для греческой княгини!

Ни один настоящий римлянин отроду не признавал исторического приоритета Эллады, но, во-первых, синьор Джакопо был сентиментален, во-вторых, он знал, что истинные сокровища Рима – это все-таки античные статуи, вывезенные из Греции... Словом, греческая дама имела право на его расположение; тем паче ничто не занимало его столь сильно, как таинственная *principessa*[4 - Княгиня (ит .).] и ее окружение. И, очевидно, Святая Мадонна вняла его молитвам, потому что не прошло и двух недель, как синьор Фальконе вдруг появился в палаццо Сакето и, пользуясь правом близкого соседа, спросил Джакопо, где в Риме можно раздобыть приличную упряжку и прочный, но легкий экипаж. При ближайшем знакомстве он оказался словоохотлив, приветлив, радушен и в ответ на любезность пригласил Джакопо посетить виллу Роза.

Синьор Дито бывал там в прежние времена и поразился, увидев, как все изменилось. Роскошные поставцы с посудой, столы, накрытые тяжелыми, шитыми золотом скатертями, серебряные люстры со множеством подсвечников, бархатом обитые табуреты, многочисленные ковры, изделия искусных азийцев, шторы с кистями, темные старинные портреты – все это своей варварской роскошью скрывало обдуманную античную простоту залов. Добродетельные и скромные сальные свечи стояли только в прихожей, а во внутренних покоях горел дорогой аристократический воск. (Джакопо даже не видел щипцов для снятия нагара!) Сладко пахло ладаном и жжеными кипарисными шишечками, до аромата которых, как выяснилось, была весьма охоча княгиня. И пусть через высокие арки на террасу обильно вливалась чистейшая благодать божьего мира, все-таки Джакопо сделалось душно в комнатах, и он с охотой спустился в сад.

Погоду ноября римляне уныло называют омерзительной: почти каждый день полуденный сирокко приносит дожди; здесь же еще благоухали поздние бледные розы, бездумно чирикала меж зеленых дубов и лавров какая-то птица, струи фонтана сияли, изливаясь в каменную чашу, посреди которой маленькая нимфа в венке стыдливо пыталась прикрыть охапкою мраморных цветов свою девственную наготу...

Здесь Фальконе представил синьора Дито сиятельной княгине, вышедшей прогуляться перед сном, после чего и вилла, и сад стали казаться ему каким-то волшебным местом – скромным и в то же время истинно величавым, под стать синьоре Агостине.

В то время княгине исполнилось лет двадцать семь или двадцать восемь. Она была черноглаза, черноволоса и на редкость красива; выражение ее мраморно-белого лица часто менялось: в иные минуты его черты слишком ясно выдавали привычку властвовать над всем, что ее окружает, но в другое время она вся излучала приветливость и доброжелательность, лишены какого бы то ни было апломба.

Компаньонка княгини понравилась гостю куда меньше. Глаза у нее были не черные (непременная принадлежность красавицы!), а то ли голубые, то ли зеленые, то ли серые, волосы – блеклого русого оттенка, черты лица напрочь лишены классического благородства. Держалась она замкнуто и без малейшей учтивости по отношению к гостю. Конечно, ее положение требовало, чтобы она большею частью помалкивала, однако опытному синьору Джакопо показалось, что мысли этой явной авантюристки вертятся отнюдь не вокруг интересов госпожи, а заняты исключительно собственной персоною, вовсе уж незначительной, на его взгляд.

Как бы там ни было, ни малой толики зловещей загадочности не удалось отыскать синьору Дито ни в молодой княгине, отдохавшей от османских притеснений в благодатном климате Папской республики, ни в ее окружении. К концу своего визита он даже ощутил некоторую скуку от того, что сие приключение, начинавшееся столь интересно, завершилось весьма прозаично.

Однако синьор Дито был бы вновь заинтригован, увидав, как, едва ворота виллы Роза сомкнулись за ним, приветливая княгиня Агостина бросилась на шею к невзрачной компаньонке, расцеловала ее и горячо воскликнула:

– Теперь этот не в меру любопытный сосед уж, наверное, от нас отвяжется! Ты умница, Лизонька, ты была права, что настаивала пригласить его и открыться перед ним, и с завтрашнего дня мы начнем выезжать!

– Да, ваше сиятельство, – кивнул присутствовавший при сем Фальконе, – воистину лучший способ отвлечь от нас излишнее внимание – это выставить себя напоказ. Спасибо, княжна.

Сероглазая компаньонка смущенно опустила взор.

Господи, как она была счастлива этой похвалой! Она так старалась быть полезной! Казалось, проживи она еще два века, а все же не хватит времени отплатить добром этим людям, вернувшим ей жизнь, спасшим ее, когда...

Как всегда, вспомнив былое, она невольно вздрогнула, словно и теперь бил ее сокрушительный озноб, от которого не было спасения. Кажется, никогда в жизни не промерзала она так, как в тот знойный сентябрьский день!

* * *

Лиза невольно двигалась в воде, посылая вперед обломок дерева, но понимала, что скоро силы вовсе иссякнут, и это понимание не вселяло в нее страха. Волны швыряли ее, как судьба. Сознание мутилось. Она давно утратила понятие о времени и только тупо удивлялась, обнаружив, что поднялся ветер и вокруг вздымаются пенные валы.

Еще одна волна подняла ее, и Лиза, запрокинув голову, увидела совсем близко жаркий взор солнца, глядящего на нее с просторного прозрачного неба. И взмолилась... Она о чем-то просила бога – не о жизни, не о спасении даже, а о чем-то, что дороже жизни и выше спасения! Она не помнила теперь своей мольбы, помнила только, как вдруг снизу ее ударило с такой силою, что дух занялся, а обломок весла вырвался из окоченелых рук.

От сего могучего толчка Лиза пролетела несколько сажень по воздуху и, прежде чем снова погрузиться в изумрудную белопенную волну, успела увидеть далеко впереди черные зубчатые утесы, выступавшие в море.

Берег! Так вот отчего ярились волны! Они почуяли близость берега!

Но близко ли, далеко ли он, ей-то теперь все равно. Для нее он был равно недостижим. Ни одной, ни единой силушки не оставалось более в ее теле; и где-то в глубине сознания она даже вяло разозлилась на надежду, искрой вспыхнувшую в сердце. Бессильная покорность заглушила предсмертный ужас, а эта надежда, не могущая осуществиться, делала ее неминуемую гибель мучительной...

Она не успела подумать, даже вновь окунуться не успела, потому что со всего маху шлепнулась на что-то мокрое, холодное, скользкое и широкое, будто плоский камень, внезапно поднявшийся из волн. Сдавленный стон вырвался из ее груди. И тут же «камень» под нею ожил, задвигался, сгорбился, а потом вновь швырнул Лизу вперед и вверх. Вновь принял ее и вновь швырнул... И она уже не осознавала, когда же закончилась эта убийственная скачка по волнам. Новый толчок выбросил ее прямо на кромку берега, она не знала, было на самом деле или только мерещилось, что рядом все время выпрыгивало из моря точно такое же иссиня-черное существо, какое она видела у подножия Карадага; было на самом деле или чудилось, будто мелькал большой внимательный молочно-карий глаз и словно бы всегда улыбающийся рот неведомой добродушной твари божьей...

Лиза очнулась от острой боли во всем теле и долго-долго терпела эту боль, прежде чем поняла наконец, что лежит на мокрой гальке, которая беспощадно впилась в грудь, живот и колени. Волны, которым удавалось дотянуться до нее, жадно лизали раны, а все тело сотрясал страшный озноб.

Первым побуждением было отползти как можно дальше от воды: она боялась, как бы волны не утащили ее обратно в море. Но встать на четвереньки, попеременно двигая руками и ногами, удерживаться, чтобы не упасть плашмя, оказалось невыносимо трудно. И еще этот холод, который пронизывал все тело, студил кровь, леденил сердце! Хотелось свернуться клубком, подтянув колени к подбородку, зажмуриться и всем существом искать в глубине себя хоть малую искорку тепла, чтобы взлелеять ее и раздуть из нее спасительный костер, однако Лиза медленно двигалась вперед, повинувшись какому-то животному чутью, и свежий ветер подгонял ее прочь от моря.

Она вползла в щель меж двух обломков скалы; ветер исчез, как по волшебству. Перед нею лежала ровная, гладкая базальтовая плита. Когда Лиза заползла на

нее и со стоном распростерлась, в ее тело медленно начало проникать живительное тепло снизу, от разогретой солнцем плиты, и сверху, с небес, ибо уже давно перевалило за полдень; горячие тени далеко протянулись от утесов; и только такое измученное и продрогшее существо, как Лиза, не могло ощутить, насколько же раскалено все вокруг: обломки скал, галька и даже самый воздух, который дрожал и плавился раскаленным маревом.

Рокот моря почти не долетал сюда, ветер реял где-то в вышине, и Лиза тотчас крепко уснула, а может быть, рухнула в спасительное беспамятство.

Пробудилась она в полной тьме. Небо, безмерное, как океан, покрыто было алмазной звездной пылью, которую еще не разметал своим серебряным лучом месяц. Вокруг стояла тишина, только вдали чувствовалось затаенное дыхание моря. Лиза приподнялась и села, но едва удержалась, чтобы не упасть вновь, так вдруг закружилась голова. Сон приободрил ее, но от глубокой усталости, голода и жажды тело ее сделалось как бы невесомым.

Стиснув зубы, шатаясь, как былинка, Лиза долго искала и наконец нашарила щель в камнях, через которую проникла в это убежище, и кое-как выбралась на берег.

Море тихонько ворчалось. Ветер, на этот раз теплый, ароматный, мягкий, дул с берега. Там, на высоком обрыве, мерцали далекие огни, вселяя в душу тревожное ожидание.

Наверное, селение? Как будто слышалась тихая, протяжная песнь. Там можно найти воду и пищу. Но было безумием пускаться в путь бог весть куда потемну, когда вокруг хоть глаз выколи.

Лиза с трудом отыскала вход в свое убежище и легла на еще теплый камень, глядя ввысь. На миг выступил из тьмы образ былого. Алексей... нет, Лех Волгарь! Она отогнала призрак молитвою. Не для того спас ее господь, чтобы сейчас рвать себе сердце воспоминаниями! Что свершилось, то свершилось. И если господь допустил сие, значит, это зачем-то было нужно.

Никакого ужаса, унижения или раскаяния она не ощущала: горько-соленые волны растворили все. Осталась лишь глухая, ноющая тоска... Но это пройдет, она ведь знает! Тоска томила оттого, что вновь неопределенное ожидание

воцарилось в ее судьбе.

Сонмы летучих мышей, налетевших неведь откуда, реяли над ее головой с писком и шуршанием острых крыл, словно они были духами, хозяевами этой осенней ночи, которая прошла для Лизы между надеждой и отчаянием.

Под утро она забылась и очнулась вновь, когда солнце поднялось из моря и озарило округу.

Лиза выбралась на берег и наконец-то смогла разглядеть, куда ее забросило на сей раз.

Она стояла в небольшой и уютной бухточке, почти полностью закрытой от моря скалистыми отрогами. Прямо с берега взбиралась на крутогорье и вилась по зеленым полям узкая лента дороги. Наверху она раздваивалась: одна тропка исчезала за увалом, вторая – вела к горстке домишек, притаившихся в сени приземистых дубов. Далеко-далеко, заслоня весь остальной мир, громоздились горы. Белые и прозрачные, словно туман. Над всей этой мощной крепостью природы раскинулось ярко-синее небо. Тишина и тепло. Воздух благоухал цветами, медом, дымком...

Пока Лиза счастливыми, повлажневшими глазами смотрела на эту мирную картину, на холме появился маленький ослик, навьюченный такую огромную вязанкою хвороста, что за этим ворохом не было видно погонщика.

Лиза вся подалась вперед, чтобы окликнуть его, и только тут сообразила, что она совсем голая. На ней и нитки не было!

В ужасе метнулась за камень, споткнулась, упала без сил.

Хотя бы глоток воды, чтобы смочить губы! Но воды не было. Жара, без сомнения, спасшая Лизе жизнь вчера, сегодня могла погубить ее. И ничего, ничего нельзя сделать. Совсем как там, в калмыцкой степи, год назад.

Год назад? Господи, да неужто только год назад?! Словно бы целая жизнь прошла.

Тогда ее спас Хонгор. А теперь? Кто придет, чтобы спасти ее глупую, никчемную, никому, даже ей самой, не нужную жизнь?

Бог ведь сколько прошло времени: час или день? Лиза впала в забытие, но у грани смерти все ее чувства и ощущения были обострены последнею тягою к жизни; потому, лишь только на лицо пала чья-то легкая тень, она открыла глаза, словно от прикосновения.

Неподвижная черная фигура в развевающихся одеждах, заслонившая от нее свирепое солнце, казалась окаменевшей в священном ужасе. Гортанным голосом женщина спрашивала что-то. Лиза не в силах была ответить, даже если бы поняла, о чем речь.

Догадавшись, в каком она состоянии, женщина подхватила Лизу под мышки и одним резким движением взвалила на спину ослика – наверное, того самого, которого Лиза недавно видела на холме, ибо на каменистом пляже лежала громадная куча хворосту. Хозяйка погнала ослика по берегу, но скоро остановилась, стащила девушку наземь и... окунула головой в узенький, довольно глубокий ручеек, вьющийся меж камней. Господи, почему же Лиза не знала о нем раньше!

Немалое минуло время, прежде чем к Лизе воротилась жизнь. Она вдруг ощутила, что сердце бьется сильно и ровно; и пусть голова еще кружится, но туман уплыл из глаз; она, не отрываясь, глядит на ручей, чье непрерывное, сверкающее течение было сродни беспорядочному течению мыслей. И странный покой ложился на сердце, вдруг поверившее: истечет и эта беда...

Наконец Лиза смогла оторваться от созерцания, повернулась.

Женщина в черном раскладывала по кучкам привезенный ею хворост. Ослик смиренно стоял рядом с Лизою, словно стерег ее, приветливо кося большим карим глазом в коротких светлых ресничках.

Лиза подняла дрожащую руку, коснулась его ласковых, бархатных губ и невольно всхлипнула. Он был такой живой! И совсем по-иному увиделись ей теперь зеленые пятна рощи, дальние, призрачные горы, лазурное небо...

Радостное восклицание заставило Лизу вздрогнуть. Женщина оставила работу и подошла к ней, улыбкою и взглядом выражая свое удовольствие при виде девушки, вполне вернувшейся к жизни.

- Матушка Пресвятая Богородица! - ахнула Лиза вне себя от изумления, не падая ниц только потому, что уже стояла на коленях.

Было от чего сойти с ума. Словно бы сама Пресвятая Дева смотрела на нее!

Смуглое, иконописное лицо со следами печальной и в то же время горделивой красоты; огромные карие очи, излучающие свет доброты; скорбные уста, впалые щеки, черный плат... Или все-таки Лиза уже умерла и теперь встретилась с Богородицей на том свете?

Но вдруг заикал ослик, и чары рассеялись. Теперь перед Лизой стояла только немолодая усталая женщина, одновременно обрадованная ее возвращением к жизни и явно обеспокоенная тем, что делать дальше. Она разразилась целым потоком совершенно непонятных Лизе слов, и у той немного отлегло от сердца: они нисколько не напоминали турецкий язык.

Желая проверить внезапно мелькнувшую догадку, Лиза сложила пальцы щепотью и медленно перекрестилась, пытливо глядя в грустные карие глаза. Они тотчас вспыхнули, женщина торопливо осенила себя ответным крестом и крепко обняла Лизу, как мать обнимает дочь, воротившуюся после долгой разлуки. Вслед за тем женщина сняла свой платок - голова ее, с двумя толстыми косами, уложенными тяжелою короною, была совершенно седая - и ловко завернула Лизу в черную ткань.

- София. - Женщина ткнула себя в грудь пальцем и вопросительно взглянула в лицо незнакомке.

- Елизавета, - повторила та ее движение. - Я русская...

Лицо Софии приняло при этих словах такое изумленное и недоверчивое выражение, что Лизе стало смешно, будто она назвалась турецкой султаншей или китайской принцессою. Впрочем, может быть, София просто ничего не поняла?.. Однако тут же из карих глаз хлынули слезы, и София снова принялась обнимать Лизу, приговаривая столь же непонятно, как и прежде; однако теперь

Лиза почему-то смогла угадать, что София за что-то благодарит бога. И в голове мелькнула шальная и шаловливая мысль: «Господь бог особенно охотно помогает тем, кто помогает себе сам!»

* * *

Теперь ей уже ничто не было страшно. Будто в полусне, сидела верхом на ослике, которого вела в гору простоволосая София. Свершился волшебный-тихий переход из дня в сумерки... Зрелище божьего мира опьяняло Лизу, хотя картина его здесь была скупа: узкие полосы пастбищ, клочки полей, повсюду оливковые деревья. Кругом стояли каменные дубы; только отвесно падающие обрывы были защищены от их нашествия.

Во всем здесь чувствовалась властная рука времени. Это она расщепила стволы олив и скрючила дубы, прочертила глубокие морщины по лику гор, выветрила досуха каменистую землю. Древностью, немислимой древностью, веками жизни, традиций, преданий веяло все вокруг, словно это и была прародина человечества. В голове Лизы не укладывалось несусветное множество лет, отделявшее ее от мгновения, когда эта суровая красота впервые явилась взору творца. Однако меньше всего уместны были здесь слова «седая старина». Эта земля была древняя, но и вечно юная, как свет небесный, как биение самой жизни – мир в начале бытия...

Лиза даже не заметила, как ослик добрал до белого низенького домика с плоской крышей, внутри которого София засветила тусклую масляную лампу и подала на стол пресный хлеб, козий сыр, оливки и похлебку с фасолью.

Лиза медленно ела, сонно уставясь на тонко округленный бок глиняного кувшина, из которого София наливала ей молоко, когда дверь вдруг распахнулась и в дом вошли низкорослый, кряжистый мужчина в черной куртке и бараньей шапке, по виду крестьянин, и женщина, закутанная в черный плат. Она шагнула было к Софии, но, заметив незнакомку, застыла на пороге.

София, быстро погладив Лизу по голове, словно желая приободрить, метнулась навстречу новым гостям и торопливо заговорила, очевидно, объясняя появление Лизы в этом доме. Мужчина то и дело перебивал ее короткими грубыми вопросами, грозя грязным, скрюченным пальцем; женщина молчала, но Лиза всем телом ощущала ее пытливый взгляд.

Разговор Софии и незнакомца становился все горячее, и Лиза поняла, что более не может оставаться безучастным предметом обсуждения этих людей.

– Я русская, – тихо молвила она, не надеясь, впрочем, что кому-то здесь есть до этого дело. – Я бежала с турецкой галеры, из рабства...

Вновь пришедшие переглянулись, затем мужчина выступил вперед и, пристально глядя из-под насупленных бровей маленькими черными глазками, спросил на ломаном русском языке:

– Пра-во-слав-но? Иисус Крис-тос?

Лиза ударила себя в грудь, истово крестясь:

– Да, да! Помогите мне, ради господа бога! Я хочу вернуться в Россию!

– Ты хочешь в Россию? – переспросила незнакомая женщина, забавно выговаривая русские слова. – Это далеко. Это опасно. Здесь Греция. Остров Скирос. В Греции османы. Ты можешь снова попасть к ним.

– Османы?! – Лиза поникла на лавке. – Да где их нету, проклятущих?

– Не бойся. В нашем селении их сейчас нет. Но тебе не стоит здесь оставаться; они часто наведываются сюда. Сегодня ночью уходит фелука... идет в Италию. Там будут русские. Они пробираются домой. Хочешь присоединиться к ним?

– Хлоя! – предостерегающе воскликнул мужчина, но Лиза не дала ему договорить.

– Да! Хочу! Конечно! – страстно воскликнула она, подскочив к женщине и обняв ее так жарко, что покрывало соскользнуло с ее лица, открыв прелестные молодые черты, до такой степени схожие с чертами Софии, что Лиза, не веря своим глазам, оглянулась и встретила ласковую, понимающую улыбку старой женщины, таящую в себе и глубокую печаль.

Девушка тоже улыбнулась. И улыбка Софии отразилась в светлом зеркале ее лица.

Лизой вдруг овладело такое облегчение, что силы вновь покинули ее, и она почти упала на скамью. София поспешно поднесла к ее губам кружку с козьим молоком, а мужчина, мрачно молчавший, повернулся к девушке и обменялся с нею несколькими греческими словами, которые были переведены Лизе лишь через несколько дней. Впрочем, если бы она сразу услышала их по-русски, они все равно мало что объяснили бы ей.

– Ты можешь накликать беду на всех нас, Хлоя! – сказал крестьянин с тревогою, на что девушка твердо ответила ему:

– Отец, госпожа никогда не простила бы мне, что я оставила в беде ее соотечественницу. Будем молить господу, чтобы нам не пришлось в этом раскаиваться...

* * *

Наступила ночь, предвестница близкой свободы. Все четверо спустились на берег. Спиридон (так звали черноглазого крестьянина, оказавшегося мужем Софии и отцом Хлои) нес какую-то тяжесть. София подождала охапку хвороста, приготовленного днем. Греки напряженно всматривались в тяжело вздыхавшую тьму, которая была морем и слившимся с ним небом.

Лиза, одетая в такую же домотканую юбку и рубаху, закутанная в такой же платок, какие носили София и Хлоя, тоже уставилась вдаль, не ведая, что должно явиться оттуда, но всем сердцем готовая к новым переменам в своей судьбе.

Вдруг Хлоя тихонько ахнула, вцепившись в Лизину руку. В следующий миг та и сама увидела колеблющийся огонек, услышала осторожные шлепки весел по воде.

– Это он! – промолвил Спиридон с облегчением, бросаясь вперед, чтобы помочь лодке пристать.

Лицо человека, сидевшего на веслах, было вовсе неразличимо. Хлоя, Спиридон и София наперебой начали ему объяснять что-то по-гречески, и Лиза сразу поняла, что речь снова пошла о ней, злосчастной. Ее пронизал мгновенный ужас оттого, что, возможно, этот человек не пожелает взять ее с собою. Но он, не проронив ни слова в ответ, поднял со дна лодки свой фонарь и поднес к самому лицу Лизы, одновременно удерживая ее другой рукою, так что она не могла ни отшатнуться, ни отвернуться и только покорно смотрела на огонь широко раскрытыми глазами, из которых вдруг медленно заструились непрошенные слезы.

Наконец незнакомец опустил фонарь, что-то буркнув. Хлоя издала радостное восклицание, Спиридон начал с усилием втаскивать в лодку свою ношу, а Лиза все еще стояла, слепо, как сова, внезапно попавшая на свет, уставясь вперед и понимая лишь одно – он согласен. К добру, к худу ли, но он согласен!

Лодка отошла от берега. Хлоя махала двум темным неподвижным фигурам до тех пор, пока суденышко не скользнуло в узкий проход меж утесов и свет костров не исчез, будто по волшебству. Берег скрылся в ночи, и Хлоя тихонько заплакала. Ни Лиза, ни гребец не проронили ни слова, да и какие слова могли утешить эту девушку, которая только что простилась с родными. Быть может, навеки! Никто ничего не говорил, не объяснял Лизе, но ей многое стало понятно по надрыву прощальных слов, по обреченности последних объятий, по этим безнадежным, тихим рыданиям в ночи. О, Лиза хорошо знала, что такие тихие слезы самые безнадежные, ибо значат одно: «Никогда более! Никогда!..»

Она не осмелилась нарушить печаль Хлои, так что все трое оставались погруженными в глубокое молчание до тех пор, пока среди сырой шевелящейся тьмы не вспыхнул сигнальный огонь и лодка не подошла к фелуке, покачивавшейся недалеко от берега. Путешественники вскарабкались по веревочной лестнице, прежде передав невидимым матросам свой груз, оказавшийся железным сундучком. Небольшим, но очень тяжелым.

– Господи Иисусе! – раздался испуганный женский голос, едва они ступили на палубу. – Почему вас трое?! Кто это?!

Лиза обреченно вздохнула, представив, что сейчас сызнова начнется запальчивое и многословное обсуждение. Но тут же замерла, будто пораженная молнией: женщина говорила по-русски! И не с натугою, не коверкая слова, как Спиридон и Хлоя, а живым, свободным русским языком, с протяжным

московским аканьем выпевая слова!

– Господи Иисусе! – невольно повторила Лиза.

Тут человек, сидевший прежде на веслах, шагнул вперед и проговорил:

– Отложим разговор до утра, Яганна Стефановна. Поднимется ее сиятельство, и мы с Хлоей все объясним.

– Но, граф Петр Федорович... – попыталась не согласиться женщина, однако ее перебили куда более властно, чем в первый раз:

– Низжайше прошу вас идти спать, фрау Шмидт! Вы изрядно переволновались, да и у нас от усталости руки-ноги отнимаются, ночка выдалась тяжелехонькая!

Яганна Стефановна прерывисто вздохнула, словно проглотила готовые сорваться с уст возражения, и сухо проговорила:

– Хорошо, сударь мой. Но имейте в виду... – Голос возвысился, задрожал, и Лизе показалось, что там, под покровом ночи, она сердито грозит всем присутствующим пальцем. – Имейте в виду, что я положу эту... особу, хм... рядом с собою и глаз с нее не спущу всю ночь, так и знайте!

– Сделайте милость! – усмехнулся гребец, которого титуловали графом, и проводил женщин в тесную кормовую каютку, где они улеглись почти бок о бок на подушках, набросанных прямо на пол и застланных какими-то покрывалами. Отчего-то Лизе вспомнилось, как она впервые вошла в зал гарема в Хатырша-Сарае и увидела несчетное множество подушек и подушечек, набросанных там и сям...

Это было ее последней мыслью. Может быть, Яганна Стефановна и впрямь не сводила с нее глаз всю ночь, но Лиза о том ничего не знала. Она провалилась в сон.

* * *

Солнце стояло уже высоко, и лучи его проникли в каютку, когда Лиза наконец-то пробудилась. Вокруг было пусто. Она долго, с наслаждением потягивалась, приходя в себя после крепкого сна. Голова была на диво ясной, а кувшин с пресною водою и медный тазик для умывания, поставленные около изголовья, и вовсе подняли ей настроение. Напившись, умылась и, обтеревшись краешком своего покрывала, смоченного в воде, чувствуя себя свежей и бодрой, выбралась из тесной каюты.

На узкой палубе властвовал ветер. Он туго выгнул парус, стремительно гоня фелуку по волнам, и три женщины, сидевшие у борта, были заняты даже не созерцанием бескрайней лазурной глади, а попытками поймать свои разлетающиеся покрывала. Высокий, худой, будто камышинка, человек силился читать книгу, страницы которой теребил ветер. Книга то открывалась, то закрывалась совсем в другом месте, и человек растерянно вглядывался в строчки. Он был до того смешон и растерян, что дамы только и твердили:

– Герр Дитцель! Ох, герр Дитцель! – и помирали со смеху.

Все они были одеты, как и Лиза, по-гречески, но даже это одинаковое платье не могло скрыть удивительных различий меж ними.

Хлоя, украдкой улыбнувшись Лизе, выглядела так, словно и родилась в этой юбке и рубашке. При дневном свете она была еще милее, чем вчера вечером! Низенькая седая толстушка лет пятидесяти, с добродушным пухленьким личиком, которому она тщила придать выражение суровой надменности, смотрелась ряженой. Лиза поняла, что это и есть Яганна Стефановна, которая так неприятливо встретила ее вчера. Тем более что толстушка суетливо подскочила к ней и ткнула в бок железным перстом, прошипев:

– Чего уставилась! Кланяйся, деревенщина неотесанная!

Поклон, очевидно, предназначался третьей женщине, сидевшей у борта и пристально смотревшей на Лизу. У нее были округлые черные брови, высокий лоб и прямой нос над своевольными, поджатыми губами маленького рта. Красота ее состояла в больших черных глазах под бледными, слегка нависшими веками; глаза смотрели на Лизу с таким пронизательным выражением, словно бы эта совсем еще молодая женщина не сомневалась в своем праве заглянуть в глубь чужой души. Ощущение беспредельной, властной уверенности в себе

излучала вся ее статная фигура; и окажись она облаченной в шелк, бархат ли, в одеяние крестьянки, монашескую рясу или лохмотья нищенки, улыбнись, разгневайся или зарыдай – ничто не смогло бы изменить или скрыть этой царственной осанки, этого властного выражения лица.

О, Лиза склонилась бы перед нею с охотою, когда б не назойливые хлопоты фрау Шмидт! Но не только в том была заминка. Еще год тому назад, не замешкавшись, она согнулась бы в земном поклоне, а сейчас вдруг показалась себе чем-то вроде одной из маленьких служаночек, которые трепетали перед нею в Хатырша-Сарае, – вечно униженные, вечно испуганные, вечно готовые пасть ниц...

Внезапная волна оскорбленной гордости поднялась в ней. Она отвыкла от подобного обращения! Ведь она была почти султаншею! Брат крымского хана искал ее любви. И вообще она ведь – о господи, совсем позабыла, и вспомнить недосуг! – она ведь не из последних, что по отцу, что по мужу!

Едва не захлебнувшись горечью от этой мысли, Лиза выпрямилась, впервые осознав, что если и не происхождение, то сама жизнь за последние два года позволяет ей прямо и открыто глядеть в надменные черные глаза.

Откуда-то сбоку подступил высокий мужчина, одетый как крестьянин, но с красивым, породистым лицом, и сказал, словно почуяв, какой угрозой наполнился воздух:

– Извольте же представиться ее сиятельству!

Впрочем, голос его был не злобен. Лиза узнала его. Это был тот человек, который привез их с Хлоей на фелуку и которого фрау Шмидт называла графом Петром Федоровичем.

Ее сиятельство! И граф! Прелюбопытнейшая же собралась компания на борту сей обшарпанной фелуки... Ну что ж, сейчас к ним присоединится еще одна титулованная особа.

Лиза снисходительно присела в некоем подобии реверанса, вздернула подбородок и, безразлично глядя в бесконечную, ослепительно синюю даль, произнесла:

– Я княжна Елизавета Измайлова.

Бог весть что должно было свершиться при этих словах! Лиза бы не удивилась, если бы в нее прямо тут вонзилась молния. Однако холодные черные глаза молодой дамы вдруг просияли улыбкою, она вскочила, схватила за руки остолбеневшую от собственной смелости Лизу и ласково сжала их.

– Какое славное имя! Оно хорошо известно семейству моей матушки! Дед ваш, княжна, был с предком моим при Азове, покрыл себя славою под Полтавою, отец ваш ходил с Минихом на Перекоп... Счастлива видеть вас, милая, счастлива оказать вам свое покровительство. Будем же знакомы: княгиня Августа-Елизавета Дараган! – И она от души расцеловала Лизу в обе щеки.

* * *

Право же, упоминание имени князей Измайловых сотворило чудо! На месте недоверия и настороженности вспыхнула искорка взаимной приязни, которую раздул в настоящий костер попутный ветер, стремительно несущий фелуку кругом берегов Греции, направляя к Италии.

Княгиня Августа Дараган поведала о себе немногое. Дочь весьма богатых и знатных, особенно по линии матери, родителей, она была рождена вне брака, и препятствия к свершению оно не исчезли и теперь. Желая оберечь девочку от враждебности многочисленных и влиятельных родственников, ее в раннем детстве отправили под присмотром двух воспитателей, фрау Яганны Шмидт и герра Дитцеля, за границу. Они жили во Франции, затем в Италии – во Флоренции и Венеции – и вот наконец вынуждены были перебраться в Грецию, на Эвбею, в маленький городок Кориатос, в котором почти не бывали османы. Августа вскользь обмолвилась, что недоброжелательность родственников по-прежнему преследовала ее...

Это было два года назад. К тому времени средства молодой княгини были изрядно истощены, потому что гонец, который являлся раз в год и исправно доставлял из России суммы на ее содержание, на сей раз непоправимо запаздывал. Им был граф Петр Федорович Соколов. Позднее выяснилось, что он подвергся в пути нападению и принужден был изменить привычному маршруту. Спасаясь от преследователей, которых никак не мог сбить со следа, претерпев

множество опасностей, израненный и больной, граф добрался со своим грузом до Скироса, где и был укрыт семьей крестьянина Спиридона Мавродаки. Графу пришлось открыться ему, просить помощи для изгнанницы и взять с него клятву сохранить происшедшее втайне.

Ему повезло, ибо мать приютившего его крестьянина была русская полонянка, бежавшая из османской неволи. Греческий рыбак подобрал ее и женился на ней. Сын их Спиридон с детства впитал священную любовь к России, так что помогать русским было для него неукоснительным долгом. Прибрежные крестьяне издавна дружили с контрабандистами, те и доставили на Эвбею графа, едва он немного оправился, вместе с дочерью Спиридона, которая была любимицей бабушки, а потому изрядно знала по-русски. Она возбудила доверие молодой княгини и была взята ею в услужение. У Августы давно уже зрела мысль перебраться из османской Греции вновь в Италию, чтобы затеряться в самом сердце католической Папской республики – многолюдном и шумном Риме, изменив притом фамилию. Граф предпринял путешествие в Вечный город, снял укромную виллу на тихой улочке. Наконец была нанята крепкая фелука, которая и зашла на Скирос, чтобы принять на борт Хлою, прощавшуюся с семьей, Лизу – неожиданную находку, и тяжелый сундук с сокровищами, чуть не стоившими жизни отважному графу, который отныне должен был оставаться в распоряжении княгини Дараган...

Окажись Лиза той, за кого она себя выдавала, будь хоть мало-мальски искушена в светских отношениях, знай хоть что-то о делах государства, которое было ее родиной, этот рассказ вызвал бы у нее множество вопросов. Ну, например, сыщется ли на свете хотя бы одна молодая княгиня, гонцом и охранителем для которой был бы граф? Или какова должна быть враждебность родственников, чтобы спасения от нее следовало искать в другой стране, постоянно скрываясь и подвергаясь всяческому риску?.. Да и многое другое могло бы возбудить ее недоумение, хотя бы тяжесть сундука. Судя по ней, сокровища, там сокрытые, были поистине баснословны! Однако, по наивности своей, она ничего не заметила.

Решившись, в свою очередь, поведать почти всю правду, Лиза не скупилась на подробности, дабы прикрыть зияющие дыры в ткани ее судьбы, которую решалась выставить на всеобщее обозрение.

Она поведала о мстительной Неониле Федоровне, воспитавшей как сестер Лисоньку и Лизоньку, лишь перед смертью открывшей правду последней о ее

происхождении, но не обмолвилась о том, что вызвало эту внезапную смерть. Об Алексее Измайлове тоже не упомянула. Промолчала и о Леонтии, и о Вольном, конечно... Путешествие по Волге объяснить оказалось очень трудно, однако Лиза и тут нашлась. По ее словам выходило, будто до нее дошел слух о поездке князя Измайлова в Астрахань; вот она и пустилась догонять обретенного отца, да была захвачена калмыцким царьком Эльбеком, после чего начались ее злоключения. Все, что случилось потом, Лиза пересказала в точности. Здесь стыдиться было нечего. Судьба играла ею, а она боролась с судьбою, как могла.

Августа, весьма уклончиво говорившая о себе, испытывала явное наслаждение, слушая Лизу и переживая вместе с нею ее многочисленные приключения. В плавном и строгом бытии Августы пока не было ни падений, ни разочарований, ни взлетов; только терпеливое ожидание (недаром ее любимой приговоркою было: «Si fata sitant!», что на латыни означало: «Если будет угодно судьбе!»); и торопливые рассказы Лизы производили на Августу впечатление быстротекущей реки, которая неудержимо влечет воображение, хоть раз отдавшееся ее волнам.

Княгине, конечно, невдомек было, какие призраки носились вокруг «княжны Измайловой» при этих воспоминаниях. Так над погасшим костром еще курился дымок. Однако Августа была слишком умна и проницательна, чтобы не заметить: чувство неизбывной, тайной печали стало второй натурой ее новой приятельницы. Да и Лиза, которая, думая о собственной жизни, всегда словно бы слышала гудение спущенной тетивы и свист стрелы, разрезающей воздух, давно знала, что прежняя улыбка безотчетного счастья исчезла с ее лица безвозвратно...

Всем сердцем, исполненным сочувствия, Августа возмечтала помочь исстрадавшейся соотечественнице, преподавая ей мудрые заветы сдержанности, чтобы исцелить ее душу смирением, в котором сама была большая мастерица.

– Может ли человек предвидеть, что с ним будет? Вам не в чем упрекнуть себя, княжна, и жалеть о былом не стоит. Ежели бы вперед была известна участь всякого человека, не было бы несчастных – увы, сие, видно, не угодно господу. Всякий человек должен быть готов на всякие кресты, и все надо с покорностью сносить. Будьте тверды, и бог вас не оставит...

В общении этих двух льнущих друг к другу душ время проходило незаметно. Но вот как-то раз Лиза, увидевши Августу за чтением ее любимой книги –

венецианского 1736 года издания «Жизнь Петра Великого», узнала, что в вещах княгини был целый сундук книг, и ощутила необычайную радость, словно встретилась с давно потерянными друзьями. Она всегда была охоча до чтения, вот только не часто бывала возможность отдаться сей прихоти. Августа радостно открыла новой подруге доступ к своим сокровищам (уезжая с Эвбеи, она без сожаления рассталась с богатым гардеробом, не пожелав бросить любимые книги); и уж они-то оказали на Лизу поистине исцеляющее действие. Столь много значило для нее изведать, что убийственным пыткам любви и разлуки были гораздо прежде нее – и с еще вящею силою! – подвергнуты нежная Дездемона, робкая Психея, целомудренная принцесса Клевская и раскаявшаяся Манон Леско[5 - Персонажи произведений В. Шекспира, Апулея, М. Лафайета и А. Прево.], что чем дальше, тем в большей душевной ясности и покое – чувствах, ею почти забытых, – проводила она свои дни на фелуке. По вкусу пришились ей и Вольтеровы повести, в особенности «Задиг, или Судьба», ибо впервые в жизни столь умно и убедительно была разъяснена ей победительная роль случая в человеческой судьбе. И словно бы даже легче стало ей жить, оглядываясь на прошлое и заглядывая в грядущее, ибо прежде полагала она, что стоит над всяким человеком Провидение, а оказалось – случай! Но он же слеп, нечаян, неразборчив в средствах, а стало быть, вовсе нет нерасположенности Провидения в жизни Лизы, кою ощущала она с самого раннего детства. Есть лишь множество разнородных случайностей, то нелепо, то страшно сплетенных в одну женскую судьбу.

Книги пробуждали в ней щемящую любовь к миру людей и простым его истинам. «Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля; иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать...» Это было для нее как отпущение грехов! Право же, Лизе порою казалось, что для счастья ей было бы довольно и одних книг...

Словом, за чтением и уроками итальянского языка, которые давала Августа, она почти не заметила, как путешествие их окончилось, благо погода благоприятствовала, а османский военный флот ближе к Касыму[6 - 8 октября по ст. стилю, день начала зимы.] прекращал плавание по морям; от торговых же турецких судов их охранил господь. И вот однажды ночью их фелука причалила в порту Таранта, где всем был поспешно справлен необходимый для путешествия по Италии гардероб, состоящий пока лишь из самого необходимого; нанята карета. И, держа строго на северо-запад, через Альтамуру, Беневенто, Фрозимоне и Веллетри, странники направились к Риму...

2. Римская Кампанья

Еще во Фрозимоне общество разделилось: княгиня Августа, Лиза, фрау Шмидт, Хлоя и герр Дитцель продолжали путешествие в карете; граф же Соколов, имевший при себе бумаги на имя итальянского дворянина Пьетро Фальконе, отправился верхом вперед, дабы приготовить снятую им еще летом римскую виллу к прибытию своей госпожи. Его весьма беспокоило, что молодая княгиня после утомительного путешествия придет в свое новое жилище и не сыщет в нем долгожданных удобств и роскоши, приличной ее чину. Он просил три дня для обустройства виллы Роза, а потом намеревался вновь встретиться с княгиней в гостинице «Св. Франциск», что стояла на Тускуланской дороге, неподалеку от знаменитой виллы Адриана.

При сем предложении княгиня Августа захлопала в ладоши. Оказывается, еще во время своего прежнего пребывания в Италии мечтала она побывать в развалинах знаменитой виллы императора Адриана, где сохранились остатки всевозможных античных затей, среди которых интереснее всего считалось подобие Канопы, сооруженного Адрианом в память о его пребывании в Александрии.

Герр Дитцель и Яганна Стефановна при виде радости княгини лишь обменялись понимающими взглядами: они знали влюбленность своей подопечной в античные древности; это было единственное, что скрашивало ее существование в притихшей, задавленной османским игмом Греции. Хлоя, понятное дело, возражать не могла по своему подчиненному положению, ну а Лиза мечтала лишь о том, чтобы Августа и здесь взяла ее с собою.

После Веллетри нигде не задерживались и к исходу дня были уже в «Св. Франциске». Здесь на всем лежала печать добропорядочности и прочного достатка: потолок покоился на тяжелых дубовых балках, к коим подвешены начищенные до золотого блеска медные люстры; стулья, столы и буфеты были изготовлены из отполированного дерева с затейливой резьбой; ставка для бутылок охранялась двумя статуями Мадонны, кои свидетельствовали о благочинности сего пристанища путников. На железном крюке подвешена была четверть жареной туши, а у входа в главную залу, подобно пузатым часовым, застыли две огромные бочки с вином, обитые массивными обручами. Для посетителей побогаче имелись изящные бутылки, оплетенные самой тонкою белою соломкою, точь-в-точь такой, что идет на дамские шляпки, вдобавок

украшенные разноцветными шерстяными кисточками.

Хозяин с хозяйкою понравились гостям с первого взгляда. Его сорочка, шейный платок и чулки были белоснежными, грубые башмаки сверкали; ее вышитый передник, рубашка и юбка стояли колом от крахмала.

Комнаты, отведенные гостям, оказались небольшими, но уютными. Тотчас был подан ужин, состоявший из макарон с сыром (они еще не успели приесться путникам), сладкого «Треббиано», терпкого «Марино» и пенистого розового «Дженцано», которому весьма усердно отдавал должное герр Дитцель.

После ужина была готова горячая вода для мытья дам, и, с наслаждением избавившись от дорожной пыли, Августа с Лизой улеглись в постель (они спали в одной комнате). Хлоя, вычистив и приготовив на завтра их платья и настезь распахнув окна (Августа не выносила духоты), ушла в соседнюю комнатку, которую делила с Яганной Стефановной. Герра же Дитцеля устроили в общей комнате для мужчин.

Ночь прошла спокойно, молодые дамы встали отдохнувшими и свежими. Однако Хлоя, явившаяся на их зов, сообщила, что герр Дитцель занемог. Сказалась дорожная усталость, усугубленная жестоким похмельем.

Августа распорядилась немедленно перенести его в комнату дам, где уступила бедняге свою постель, сама сделала укусуный компресс и в скором времени убедилась, что здоровью ее старого слуги ничто не угрожает; ему необходим был один лишь покой.

Августа и Лиза намеревались и дальше ухаживать за больным, однако Яганна Стефановна, хотя и не разделявшая пристрастия княгини к античным обломкам, уговаривала ее не отказываться от долгожданной поездки на виллу Адриана, заверив, что они с Хлоей будут отличными сиделками для герра Дитцеля.

Долго уговаривать Августу не пришлось. Она страшно обрадовалась возможности вырваться из-под докучливого присмотра своих воспитателей, хоть ненадолго ощутить себя не высокородной изгнанницей, а свободной путешественницей. Яганну Стефановну, правда, беспокоило, как же молодые дамы отправятся без сопровождающих, однако хозяин «Св. Франциска» сообщил, что кучер Гаэтано глаз не спустит с прекрасных синьор. При этом

хозяин не скрывал сожаления, что сам он не так молод и силен, как его кучер. Итальянец не мог скрыть зависти к нему и своего восхищения молодыми дамами; зачастую его восхищение даже превосходило необходимую почтительность.

Девушки приняли предложение. Они уселись в хорошенькую открытую карету, на козлы взобрался щеголеватый молодец в синих штанах, полосатых чулках, красной безрукавке и круглой соломенной шляпе (при виде его Августа тихонько прыснула со смеху), и *carrozza*, иначе говоря – легкая коляска, выехала со двора.

* * *

На первых порах путешественницы оживленно обсуждали ночное происшествие, благословляя пристрастие княгини к свежему воздуху. Их отношения становились все более непринужденными, они давно избавились в обращении друг к другу от титулов и наконец, по просьбе Августы, перешли на «ты», ибо иное обращение в Италии вообще выглядит странно. Обeim страшно нравилось, как звучат их имена на итальянский манер; они то и дело без надобности окликали:

– Агостина! Луидзина! – И заливались при этом ликующим смехом, напоминая детей, вырвавшихся из-под присмотра строгих мамок.

Carrozza легко катила по извилистой Тускуланской дороге. Вдали по синему небу белой светящейся лентой вились очертания Сабинских и Альбанских гор. Кое-где при дороге стояли статуи мадонн, обещавших сорок дней индульгенции за трижды прочитанную «*Ave Maria*».

Вокруг простиралась унылая равнина. Вид ее поразил Лизу, уже привыкшую к прекрасным видам благодатной земли, куда принесла ее судьба. Словно бы они очутились не в Италии, а совсем в иной стране! Все было бледно, угрюмо. Плохо выделанные поля, бесприютные окрестности, изредка оживляемые повозками, запряженными быками. Кое-где топорщили свою сумеречную листву чахлые каменные дубы. Ветерок доносил запах земли и влаги – запах осени. Изгороди загонов для скота окаймляли дорогу, но сейчас загоны были пусты; лишь возле одного из них сидел, пригорюнясь, черноволосый пастух в фартуке из бараньей кожи.

У обочины остановилась женщина в крестьянском наряде, с белым платком на голове, придерживая водруженную сверху корзину, полную овощей. Черные глаза выражали такую тяжелую тоску, словно в них отразилось все беспросветное уныние округи: этих гор, полей, одиноких деревьев и бесконечной линии акведуков, тающих вдали...

Кучер обернулся на своем сиденье, сверкнув на молодых дам большими серыми глазами, улыбнулся (он был красив, хотя и не принадлежал к чистому итальянскому типу; видимо, знал о своей привлекательности и не пропускал случая опробовать свои чары на всякой женщине, от крестьянки до княгини) и, обведя кнутовищем округу, воскликнул:

- Campagna di Roma!

Августа объяснила спутнице, что Римскою Кампаньей называется окружающая Рим земля, известная тем, что в древние времена богатые люди ставили здесь свои виллы. И в самом деле, вдоль дороги то тут, то там начали появляться развалины, еще более усиливающие ощущение какой-то кладбищенской заброшенности этих мест; и наконец перед девушками возникли многостолетние оливковые рощи и укрытые в густой зелени развалины виллы Адриана.

Лиза была изумлена, увидав еще две-три кареты на опушке рощи. Августа, усмехнувшись, пояснила, что даже из самого Рима приезжают любители старины поинтересоваться, что сохранилось до сего времени от бывшей императорской виллы.

Две молодые дамы в темных строгих платьях, в сопровождении напыщенного Гаэтано, скрывшего свой щегольской наряд под синим крестьянским плащом на зеленом фланелевом подбое, не привлекли к себе ничьего внимания и без помех смогли осмотреть подобие египетского Канопы - долину, бывшую некогда каналом, и развалины небольшого храма, посвященного Антиною-Серапису [7 - Антиной - греческий юноша, сводивший с ума людей и богов своей красотой. Серапис - египетско-эллинское божество, отождествлявшееся иногда с Аполлоном. Здесь имеется в виду статуя Антиноя, выполненная в египетском стиле; подражание статуе Сераписа, воздвигнутой в настоящем Канопе - месте паломничества египтян в Александрии.].

Среди руин вздымались мощные оливковые деревья с причудливыми кривыми стволами. Их узловатые корни тянулись далеко вокруг, переплетаясь и взрывая землю. Заросли вечнозеленых дубов, лавров и кипарисов; плющ, взбирающийся на разрушенные своды; вода, выступающая из-под прошлогодней листвы; яркий мох – с этой разнообразной буйной растительностью чередовались причудливые обломки опрокинутых колонн, треснувшие ступени, осколки мозаичных полов.

Лиза даже не заметила, как отошла от своей спутницы. Августа снимала лоскут мха с причудливой мозаичной картины, а Лизу зачаровало зрелище прекрасных драгоценных мраморов. Названий их она не знала, видела только одно – красоту – и с восторгом рассматривала красноватый джиалло антико, зеленоватый, как морская вода, хрупкий и слоистый циполлин, вишневый порфир, зеленый серпентин, лежавшие в руинах. Внезапные слезы стиснули ей горло при виде сухих лепестков розы, удержавшихся в складках туники юной охотницы, словно бы на миг замершей среди колючих зарослей. Этот миг длился уже тысячелетия, но время не охладило ее неудержимого порыва, хоть и лишило обеих рук, изуродовало головку. Прекрасное тело на легких, длинных ногах по-прежнему стремилось вперед; и мрамор, озаренный скупым лучом солнца, казался теплым и живым.

Эти лепестки, эти скользкие по мрамору тени листьев и ветвей, эти ящерики, снующие среди обломков, были словно сердечное послание из прошлого...

Лиза присела на мраморную скамью, стоявшую у подножия старого кипариса, чьи твердые, душистые шишечки тихонько стучали по мрамору, наслаждаясь прекрасным покоем развалин, в каком-то блаженном оцепенении глядя на длиннородых полудиких коз, которые щипали рядом траву, тревожно косясь на Лизу: возможно, она чудилась им лишь призраком человека... Она и сама отказывалась считать их живыми существами; и точно таким же наваждением показалась ей внезапно появившаяся неподалеку женщина.

* * *

Она стояла в зарослях папоротника, занимавших сырой грот, и манила Лизу к себе.

Девушка сделала несколько неверных шагов и остановилась. Нежные пещерные травы, что свешивались с потолка грота, коснулись ее лба, словно

предостерегая. Она удивленно глядела на приземистую фигуру, которую только с натяжкой можно было назвать женскою.

Это было существо низенькое, толстое, старое, желтое, кривобокое, наполовину плешивое и с преотвратительною седою косичкою на затылке. Право, могло показаться, что одна из пестрых жирных ящериц, сновавших тут и там среди развалин, вдруг встала на хвост и теперь машет цепкими лапками, маня к себе изумленную девушку.

Взор ее был холодным, немигающим. Лиза ощутила неодолимое желание узнать, что же такое может ей сообщить эта безобразная старуха, возникшая столь внезапно, и сделала еще несколько шагов. Краем глаза она видела, что вокруг нее словно бы смыкается какая-то серая завеса, заслоняя весь мир, кроме стоящего напротив уродливого существа. Просто некуда было идти, кроме как к старухе, ибо серая завеса была непроницаемой, угрожающей, а пристальный взор, впившийся в ее глаза, обещал защиту и покой.

Они стояли почти вплотную, старуха уже потянулась, чтобы схватить Лизу за руку, как вдруг та вздрогнула от внезапной боли, пронзившей ей голову. Это напоминало чей-то пронзительный, предостерегающий крик!

Лиза отшатнулась, часто моргая, словно внезапно выбежала из тьмы. Серый туман, скрывающий окрестности, вмиг рассеялся; все вокруг озарилось бледным осенним солнцем; приземистая фигура старухи оказалась погруженной в зловещую тьму.

Лиза сделала шаг назад, второй, третий. Старуха, простирая к ней коротенькие ручки, спешила следом. Под ее неподвижным взглядом девушку вдруг охватили страшная слабость и тошнота. Казалось, ее вот-вот вывернет наизнанку! Но она чувяла: остановиться нельзя ни на миг. Превозмогая себя, повернулась и кинулась прочь, шатаясь, чуть не падая, думая только об одном: как можно скорее найти Августу и уехать. Уехать отсюда!

Она наткнулась на молодую княгиню у той же самой статуи длинноногой охотницы, коей сама недавно восхищалась до слез. Не говоря ни слова, схватила подругу за руку и потащила за собой. Та заартачилась было, но, взглянув на впрозелень бледное лицо Лизы, ощутив трепет ее ледяных, влажных пальцев, сама перепугалась бог весть чего и повлекла Лизу в carrozza.

Гаэтано отстал от них еще полчаса назад. Августа думала, что он воротился к карете, утомясь прогулкой, однако здесь его не оказалось. Подсадив Лизу в carrozza, Августа думала идти искать кучера, как вдруг Лиза издала сдавленный стон, и княгиня увидела, чем так напугана ее подруга.

Мрачная, приземистая старушонка спешила к ним со всех своих коротеньких, неуклюжих ножек... Казалось, ком грязи, перевитый червями, катится, сминая на пути цветы и травы!..

Глухо вскрикнув, Августа одним рывком отвязала лошадь от дерева, взлетела на сиденье кучера, подхватила вожжи и, за неимением кнута, концами их так хлестнула застоявшуюся гнедую, что она, коротко и обиженно всхрапнув, сорвалась с места.

– О синьоры! Высокочтимые синьоры! – послышался истошный крик, и девушки увидели Гаэтано, который опрометью бежал к ним, путаясь в полах своего синезеленого плаща. – Подождите же меня!

Августа медленно, словно против воли, натянула вожжи. Лошадь, взрыв копытами землю, остановилась. Княгиня, подобрав юбки, проворно перебралась на сиденье рядом с Лизой.

Гаэтано вскочил на козлы. Его глаза возмущенно сверкали, он даже открыл рот, чтобы разразиться негодующей тирадой, но Августа, придерживая слетевшую шляпку, так сверкнула на него своими мрачными черными глазами, ноздри ее точеного носа так раздулись, а голос, произнесший короткое и резкое: «Avanti! Вперед!», был исполнен такой ярости, что Гаэтано с гиканьем закрутил над головою кнут, словно его русский собрат-ямщик, и вконец оскорбленная гнедая с места взяла рысью.

Девушки, одолевая ужас, оглянулись.

Дорога уже клубилась за ними, но все еще можно было разглядеть, как старуха, топоча, кружится на месте, сорвав свой грязный передник, размахивая им по сторонам и выкрикивая что-то.

– Vento! Vento favorevolo![8 - Ветер! Попутный ветер! (ит.)] – донесся пронзительный вопль, и все скрылось в облаке пыли.

* * *

Солнце клонилось к западу. Девушки были так напуганы, что какое-то время слова не могли сказать и только смотрели широко открытыми, невидящими глазами на проносящиеся мимо, освещенные красными закатными отблесками мрамор гробниц, треснувшие плиты дороги, обломки акведуков. Ветер шумел в узорных венцах пиний.

Лиза вдруг встревожилась. Этих прекрасных деревьев она не видела по пути на виллу Адриана. Да и развалин при дороге встречалось куда меньше; сама дорога была не мощеная, а земляная... Уж не сбились ли они с пути?!

Лиза спросила об этом Августу, а та учинила допрос кучеру. Тот поглядел с видом глубокого превосходства: он полагал обеих синьор повредившимися в уме от чрезмерного испуга и едва удержался, чтобы не воскликнуть сочувственно: «Бедняжки!» Заверив, что к «Св. Франциску» можно попасть всякою дорогою, он отворотился и принялся деловито нахлестывать гнедую, давая понять, чтобы не мешались в его дела.

Прошло около часу. Окрестности по-прежнему были незнакомыми, и гостиница не появлялась. Ветер между тем усилился до того, что порывы его сами сгоняли в гурты многочисленных овец, которых вели к загонам спустившиеся с гор юноши-пастухи, одетые лишь в традиционные бараньи шкуры шерстью наружу, обернутые вокруг бедер.

Августа не выдержала и, велев Гаэтано придержать лошадь, спросила пастухов, далеко ли еще до «Св. Франциска». Те равнодушно взирали на коляску, на встревоженные женские лица; и ничто не нарушало очарованной дремы их черных глаз полуживотных на прекрасных лицах полубогов... Наконец один из них что-то пробормотал, неопределенно махнув рукою, и Августа, подбоченясь, недобро взглянула на Гаэтано, который сидел нахохлившись, отворотясь от студеного ветра, и чувствовал себя весьма неуютно.

– Ну? – спросила она негромко, однако в голосе ее звенел металл. – Пастух говорит, до «Св. Франциска» полсутки езды вовсе в противоположном направлении! Что сие означает? Куда ты завез нас, проклятый разбойник?

– Клянусь, я не виноват, синьора! – высунулся Гаэтано из плаща, жалостно кривя свои красивые, полные девичьи губы. – Не иначе, бесы помutilи мой разум и сбили с пути. Во всем виновата эта старая strega.

– Strega? – удивленно переспросила Лиза.

– Ведьма, – перевела Августа незнакомое слово и вновь взялась за Гаэтано: – Ты имеешь в виду старуху из развалин? Почему ты назвал ее ведьмой?

– А то нет! – воскликнул Гаэтано. – Сами знаете, что она одержима бесами, иначе не бежали бы от нее сломя голову!

– Да, мы были напуганы, – нехотя признала Августа. – Но как она могла сбить тебя с дороги, скажи на милость?

– Как? – усмехнулся Гаэтано. – Да очень просто! Видели, как она махала своим вонючим передником? Слышали, что она кричала? «Ветер! Попутный ветер!» – передразнил он ее, размахивая руками, вертясь на козлах. – Она накликала ветер, который и сбил нас с дороги. Понятно вам, синьоры?

– Чушь какая, – пожала плечами Августа, с трудом удерживая на голове шляпку. – Накликать ветер! Это уж слишком!

Лиза молчала. Слишком многое видела она в своей жизни, чтобы отмахнуться даже от самого нелепого суеверия. Она поверила Гаэтано. Эта старуха могла все! Лиза не сомневалась. Но для чего это ей понадобилось? Куда ей нужно было загнать их колдовским ветром?

– Что же теперь делать? Как добраться до «Св. Франциска»? Бедная Яганна Стефановна небось с ума сходит от беспокойства! – произнесла Августа и захлебнулась новым порывом ветра.

– Осмелюсь сказать, синьоры, – прокричал Гаэтано, – нам туда сегодня нипочем не добраться! Здесь неподалеку есть остерия, иначе говоря – придорожная гостиница «Corona d'Argento». Очень приличная остерия, и хозяин ее – добрый человек. Он даст нам ужин и ночлег, а утром мы отыщем дорогу к «Св. Франциску» или попросим проводника.

Августа и Лиза молча переглянулись.

Дорогу пересекла длинная серая тень, замерла на миг, сверкнув парой желтых злобных глаз, и исчезла в сумерках.

– Волчица? – дрогнувшим голосом спросила Лиза, но ответа не расслышала, потому что тут на них налетел настоящий ураган.

Какое-то мгновение казалось, что легкая carrozza сейчас опрокинется и покатится по дороге, гонимая ветром, словно перекасти-поле. Из черного клубящегося вихря слышно было только тпруканье Гаэтано, пытавшегося сладить с ошалелой лошадей, да ее перепуганное ржание.

– Умоляю вас, синьоры, решайтесь! – взвизгнул кучер, едва ветер стих. – Не то мы погибнем здесь!

Словно в ответ ему загредел гром, сверкнула молния, и первые капли дождя упали на еле различимые во мраке лица путешественниц.

– Погоняй! – крикнула наконец Августа, торопливо собирая разметавшиеся черные волосы. – Делать нечего, – обернулась к подруге, – название у этой остерии, во всяком случае, красивое: «Серебряный венец». Будем надеяться, хоть он защитит нас от этой напасти.

Лиза сидела, забившись в уголок, вцепившись в концы шали, чтобы ее не сорвал ветер; шляпа давно сгнула во тьме. Она думала о том, что название у остерии и впрямь красивое, но оставалось непонятным одно: откуда об этой остерии знала старуха с Адриановой виллы и почему ей непременно было нужно, чтобы туда попали путешественницы? Ведь она накликала именно попутный ветер...

3. Остерия

«Серебряный венец»

Прошло невесть сколько времени; и вот внезапно, так, что Августа и Лиза, вздрогнув, схватились за руки, из темноты выступило блеклое пятно. Еще через несколько мгновений стал виден коптящий фонарь, чей тусклый луч показался измученным путешественницам ярче и милее солнца и луны, вместе взятых. В его дрожащем полусвете появились грязные каменные стены, низкая арка, ведущая в конюшню: в темном провале смутно различались силуэты лошадей, слышалось фыркание громко жующего осла.

– Спускайтесь скорее, синьоры! – взмолился Гаэтано. – Вот-вот начнется ливень, вы промокнете до нитки!

Дождь шел все сильнее, и деваться было больше некуда. Гаэтано подал руку, девушки вышли из коляски и бегом устремились к тяжелой, окованной железом двери, которая при их приближении распахнулась будто бы сама собою, и в проеме появилась кряжистая, длиннорукая фигура какого-то человека. Вспыхнули воспаленные лихорадкой глаза, и, трубно высморкавшись в шейный платок, он зычно провозгласил:

– Входите, синьоры!

Августа с Лизой замешкались было, но тут дождь обрушился со всей яростью; их будто подхватило вихрем и само собой внесло в двери остерии.

Девушки застыли у порога, цепляясь друг за дружку. Но, боже, какое тепло царило здесь! Как жарко пылал очаг, как чудесно благоухала поросычья тушка на вертеле, как громко свистел огромный закопченный чайник, как приветливо подмигивали, оплывая, сальные свечи!

Хозяин, оказавшийся смуглым крепышом средних лет с мясистым угрюмым лицом, так усердно хлопотал у стола, что кисточка его красного фригийского колпака отплясывала на макушке.

Зала была почти пуста: человека четыре сидели, придвинув стол к камину. Хозяин бесцеремонно спровадил их в темный угол, а к теплу почтительно проводил молодых дам, ради такого случая застелив темный от грязи стол полотняной скатертью, чистой, но явно знававшей лучшие времена, как, впрочем, и одежда хозяина, да и вся остерия – даром что носила столь пышное название.

Физиономия у хозяина была, конечно, разбойничья; однако он так радел об удобствах гостей, что Лиза невольно забыла о своей настороженности.

На столе появились тарелки, блюда с мясом, хлебом и оливками; хозяин поставил перед девушками бокалы доброго вина, как он выразился. Бокалы оказались двумя большущими глиняными кружками, от которых шел пар, благоухавший корицею, апельсинами, гвоздикой и хорошим вином.

Лиза недоверчиво уставилась на свою кружку. Августа же, видимо, пробовавшая такой напиток прежде, обрадовалась:

– Вино с пряностями! Да мы в одну минуту согреемся, Лизонька! – Поднесла кружку к губам и со смехом отвернулась: – Жжется!

С сожалением отодвинув кружку – остывать, Августа разломала хлеб, взяла кусочек жареной пороссячьей ножки и принялась за еду. Лиза, которая до изнеможения хотела пить, оглянулась в поисках хозяина, но тот куда-то отлучился, поэтому она сама встала и, сняв со стойки пустую кружку, подошла к большой бочке, стоявшей в углу. Лиза видела, как хозяин наполнял оттуда котелок, и поняла, что там было не вино, а вода, которая только и могла утолить ее жажду.

Нацедив воды, Лиза припала к кружке, как вдруг до нее донесся чей-то голос из-за занавески. Он был столь неприятен, скрипуч и груб, что, казалось, издавал зловоние. Скорее всего принадлежал он женщине, хотя более всего напоминал голос самого дьявола!

– Я же говорила, что они приедут сюда, – шипела женщина. – А ты еще не верил, дурак!

– Верил, верил, матушка! – простонал другой голос; и был он так испуган, так дрожал, что Лиза едва признала хозяина остерии. – Верил, клянусь Мадонной!

– Смотри у меня! – проворчала «матушка». – Но какого же черта поселил ты здесь этого человека?!

– Он хорошо заплатил, – пролепетал трактирщик, и Лиза услышала звук, очень напоминавший увесистую затрещину.

– Когда-нибудь твоя жадность доведет тебя до могилы! – рявкнула страшная «матушка». – Смотри, если не сладишь с этой девкою, мессеры будут очень и очень недовольны. Сам понимаешь, что это значит! На этот раз даже я не смогу заступиться за тебя!

– Будем уповать на господа и Пресвятую Деву, – елеино вымолвил трактирщик. – Надеюсь, свое вино они выпили...

Вино!

Лиза, как ошпаренная, отскочила от бочки, бросив на стол наполненный ужасом взгляд. Слава богу, кружка Августы была еще полна!

Лиза торопливо села, думая, как бы незаметно дать понять Августе, что на них надвигается какая-то опасность. Но тут входная дверь распахнулась, и в залу ввалился Гаэтано, доселе возившийся с лошадьми.

Он выглядел очень усталым и бросил алчный взгляд на стол, заставленный едою. Августа слегка помахала юноше.

– Ты можешь сесть за наш стол, Гаэтано, – снисходительно сказала она. – Видит бог, ты вот-вот свалишься с ног, так что позволяю тебе отужинать.

Лиза, несмотря на терзавшую ее тревогу, с трудом подавила улыбку. Да ей бы и в голову никогда не пришло такое: она просто пригласила бы кучера поесть – и все. Нет, все-таки между истинной княгиней и самозванкою – о-огромная разница!

Гаэтано, отвесив дамам благодарные поклоны, скромно притулился на краешке стула и накинулся на еду. Он запихивал в рот огромные куски мяса и хлеба; глотал, даже не жуя, с таким вожделением поглядывая при этом на дымящееся вино, что Августа опять сжалилась над ним и придвинула свою кружку со словами:

– Пей, бедняга! Ты весь дрожишь!

Бросив на нее сияющий взгляд, Гаэтано потянулся было к вину. В тот же миг хозяин, выросший словно из-под земли, вцепился в его руку.

– Я приготовил это вино специально для высокочтимых синьор! – взревел он, наградив Гаэтано таким взглядом, что тот остолбенел. – Тебе сойдет и кое-что попроще!

– Ничего, ничего, – махнула рукою Августа. – Нам вполне хватит одной кружки. А это пусть выпьет наш кучер. – И она вновь подтолкнула кружку к Гаэтано.

Рука его дернулась было вперед, но тут их с трактирщиком глаза встретились, и Гаэтано замер, будто наткнулся на змею. Августа ничего не заметила, но от Лизы не укрылась предостерегающая гримаса, которую скорчил трактирщик.

Гаэтано медленно убрал руку со стола, и вдруг лицо его покрыла меловая бледность.

– Я... сыт, – прохрипел он, вскакивая с такой поспешностью, будто скамья под ним вспыхнула. – Благодарю вас, синьоры. Я буду спать на конюшне. Прощайте! – И выметнулся за дверь.

Августа, смеясь над странностями кучера, взглянула на подругу, и улыбка застыла на ее устах... Лиза с усилием придала своему лицу выражение полнейшей невозмутимости и, подхватив злополучные кружки, всунула в руки хозяину так ловко, что не успел он и глазом моргнуть, как уже держал их.

– Сдается мне, вино уже остыло, – затараторила Лиза, – но не трудитесь, любезный хозяин, подогревать его снова. Мы вполне удовольствуемся горячей водою.

И прежде чем кто-то понял, что она собирается сделать, Лиза сняла с полки две чистые кружки и зачерпнула воды из котелка, стоявшего на очаге.

Черные глаза молодой княгини блеснули, и Лиза с облегчением поняла, что Августа тоже насторожилась.

Она бросила на стол золотой дукат, и хозяин, тотчас позабыв свое разочарование, схватил его с такою поспешностью, будто перед ним была не монета, а снежинка, которая вот-вот могла растаять.

– Спасибо, спасибо, высокочтимые синьоры! – запел он сладко. – Поистине счастливым ветром занесло вас сюда!

Он весь был погружен в созерцание золота, иначе непременно заметил бы, как вздрогнула Лиза...

А ей словно бы раскаленную иглу вонзили в сердце! Ветер... Счастливым ветер? Нет, попутный ветер! Так вот почему таким пугающе знакомым показался ей голос «матушки» трактирщика: ведь это был голос страшной старухи из Адриановой виллы...

Что делать? Что же теперь делать?!

Их здесь ждали – это ясно. Неизвестно пока, замешан ли тут Гаэтано, хотя поведение его весьма подозрительно, однако сомнений нет: старуха и ее сын замыслили недоброе. Если сказать, что она узнала старуху, расправа может последовать незамедлительно. Попытаться убежать?.. Их ни за что не выпустят – куда там! Да и в той круговерти, что беснуется за порогом, им не скрыться, если это и впрямь дело рук проклятой старой *strega*. Нет, надо выиграть время. Скорее всего нападут на них ночью, когда будут уверены, что они уснули. В вино, наверное, подмешано снотворное... Эх, надо было сделать вид, что они его выпили, – это успокоило бы разбойников.

Вбежал какой-то тощий, неряшливый мальчишка, верно слуга; бросив на девушек хитрый взгляд, что-то шепнул хозяину.

– Высокочтимые синьоры, – склонился тот в поклоне. – Прошу прощения, что заставил вас ждать: самая роскошная спальня была занята синьором, который прибыл незадолго перед вами. Но, узнав, какие высокородные дамы оказали моему скромному заведению честь своим присутствием, этот любезный господин с охотой перебрался в другую комнату. Да благословит Мадонна его доброе сердце! Извольте же следовать за мною, синьоры. Я самолично провожу вас в ваши апартаменты, где уже все готово: горит очаг, кувшины полны воды, и даже... – Он сделал паузу и, важно поводя носом, изрек со значением в голосе: –

Даже постелены чистые простыни!

Августа слегка кивнула, давая понять хозяину, что его старания оценены должным образом, а Лиза неожиданно подхватила кружки с вином и улыбнулась изумленному трактирщику:

– Жаль, если пропадут ваши труды, дорогой хозяин. Пожалуй, мы все-таки выпьем это вино перед сном!

Вздых облегчения, вырвавшийся из груди негодяя, мог бы погасить свечу, и Лиза, несмотря на терзавшую ее тревогу, едва удержалась от смеха. В этом мерзавце, при всей его злообразности, было нечто столь глупое, пошрое и несусветное, что в сердце Лизы начала оживать надежда. Да неужто им с Августою не провести этого жадного барана?!

Они двинулись вслед за хозяином, который то и дело кланялся.

Наконец на галерейке, окаймлявшей залу, он распахнул какую-то дверь и гостеприимным жестом пригласил дам войти.

– Надеюсь, ваши светлости будут спать спокойно, – промурлыкал он.

– Надеюсь, мы еще увидимся с вами! – со значением ответила Лиза, улыбаясь изо всех сил.

Волчьи глаза его сверкнули на миг и погасли в тени набухших век. Хозяин захлопнул дверь, унеся с собою свечи.

* * *

Свечи-то унес, однако темнее в комнате не стало. Полная луна светила в растворенное окно!

– Батюшки-светы! – изумленно воскликнула Лиза. – А буря-то закончилась!

– Конечно, – криво усмехнулась Августа. – Она уж больше не надобна: птички в клетке!

– Значит, ты поняла? – тихо ахнула Лиза.

– У тебя было такое лицо... – кивнула Августа. – Но как ты догадалась?

Лиза торопливым шепотом поведала о подслушанном разговоре, и Августа даже зубами скрипнула от злости.

– Проклятые разбойники и воры! – выругалась она почему-то по-итальянски и тут же решительно произнесла: – Окно открыто. Подумаешь, второй этаж! Подберем юбки повыше и... При такой-то луне не заплутаемся. Отсидимся где-нибудь в зарослях не то в развалинах, а по свету, глядишь, найдем на дороге какую-нибудь calessino.

Лиза с сомнением пожала плечами. Решительности ей было не занимать, и все же замысел Августы показался слишком уж бравым. Наверняка их стерегут. Она подошла к окну, высунулась, и тотчас внизу раздался тихий свист, а потом по двору, словно невзначай, прошелся какой-то широкоплечий человек, поглядывая вверх и поигрывая ружьем, которое держал на изготовку. Лиза сочла за лучшее отступить. Путь в окно был отрезан.

Августа стояла у порога и оглядывалась. Эта «самая роскошная спальня» была небольшим зальцем с камином, над которым висело треснувшее зеркало, со столом, куда Лиза с облегчением воздвигла знаменитые кружки, да двумя табуретами. Посреди комнаты высилась просторная кровать, столь массивная, что нечего было и думать перетащить ее в более укромное место, хотя бы в угол.

– Ничего, так даже лучше, – бодро заявила Августа. – Я, помнится, читала какой-то испанский роман, в котором храброго гидальго зарезали на постоялом дворе сквозь потайное отверстие в стене. А тут нас никакая шпага, никакой нож не достигнет!

Лиза только зябко повела плечами.

Они еще послонялись по уютной комнате, посидели на краешке обширного ложа... Августа зевала, сначала прикрываясь ладошкой, потом все шире и шире. Делать было нечего, оставалось только лечь в постель. Решив, что утро вечера мудренее, сговорились спать попеременно. Лизе, у которой сна не было ни в одном глазу, не составило труда убедить Августу, что будет караулить первая.

Веки у княгини смыкались словно бы сами собою. Кое-как расшнуровав сырое платье, она брезгливо стащила его с себя, спустила ворох нижних юбок, расшвыряла башмаки, чулки и в одной рубашке, простонав: «Ни за что не могу спать одетая, господи, прости!» – рухнула в постель и тут же унеслась в мир снов, забыв даже укрыться.

Лиза натянула на нее и впрямь чистую простынку и, вслушиваясь в ровное, глубокое дыхание, подумала обеспокоенно: уж не хлебнула ли, часом, Августа отравленного вина – больно крепко спит!

* * *

Долго сидела Лиза на краю постели, опершись о колени, устроив подбородок на кулачок, и глядела в окно.

Луна уплыла за край рамы, ослепительно засияли звезды. Их было столь много, можно было подумать: со всего неба собрались они полюбопытствовать, что же теперь будут делать две русские девушки, попавшие в западню?

Странно: несмотря на явную опасность, мысли Лизы были далеко от зловещей таверны. Она смотрела в мерцающую высь и думала, что где-то там, под этими звездами, за тихими водами и туманными равнинами, ночь плывет над Россией... И где-то далеко, за морями, за горами, видят эти звезды Алексея. Если он жив.

Если он жив! И всем сердцем взмолилась: «Умилосердись, о боже наш, и помилуй раба твоего Алексея Измайлова, где бы ни был он сейчас!»

Все это время Лиза так старательно пыталась излечить раны, нанесенные ей последней встречей с Алексеем, что насильственно изгоняла всякую мысль о нем. А теперь, упиваясь тихой скорбью своих всевластных, хоть и бесполезных, воспоминаний, размышляла, не есть ли ее непреклонная, противоестественная

любовь к Алексею наваждение, род колдовского безумия?.. Она дала себе волю и забрела по извилистым тропам памяти так далеко, что кровь застучала в висках, а сердце то замирало, то вновь билось неистово.

С трудом воротясь туда, где на широкой кровати, нелепо стоявшей посреди полупустой мрачной комнаты, спокойно спала Августа, Лиза тихонько, чтоб и половица не скрипнула, прокралась к окну и высунулась, желая немного охладить пылающее лицо.

Безлюдье царило кругом, никто не вышел с кремневым ружьем наперевес, чтобы спугнуть девушку. Может быть, их стража уснула? В остерии – тишина, ни одно окно не светится. Неужели логово негодяев наконец угомонилось? А коли так, не рискнуть ли улизнуть отсюда под покровом ночи?..

Прежде чем идти будить Августу, она решила получше разглядеть окрестности и высунулась дальше в окно; и тут чуткое, настороженное ухо уловило легчайший шорох наверху. Лиза невольно отпрянула, и тотчас перед ее лицом повисла веревочная петля, спущенная с крыши.

Лиза, помертвев лицом, глядела, как петля, покачавшись секунду в окне, стремительно ускользнула вверх, словно поняв, что упустила добычу.

На подгибающихся ногах Лиза вернулась к кровати и почти в обмороке упала на нее.

Господи, какой-то миг – и она была бы мертва!.. Ее трясло так, что она вцепилась зубами в рукав. Дрожь не унималась, и немалое время понадобилось Лизе, чтобы понять: дрожит вовсе не она, мелко сотрясается кровать, словно кто-то осторожно раскачивает ее.

Лиза резко села, спустив ноги на пол, и тут же вскочила в недоумении: кровать почему-то стала ниже. Теперь ложе было почти вровень с полом...

Лиза изумленно уставилась на подрагивающую кровать и вдруг разглядела, что она медленно, но неостановимо опускается. Еще миг – и кровать вместе со спящею Августою вот-вот исчезнет из глаз!

Будить ее было уже некогда. Лиза рванулась вперед, упав на постель плашмя, и так толкнула в бок Августу, что та кубарем свалилась на пол. Невероятным усилием Лиза откатилась в противоположную сторону, и в ту же секунду их кровать погрузилась в широкое, зияющее отверстие в полу.

* * *

Беспробудную сонливость Августы как рукой сняло. Вмиг придя в себя и сообразив, что произошло, она окинула комнату взглядом, метнулась в угол, с натугой приподняла дубовый стол и поволокла его к двери. Лиза, смекнув, что она замыслила, вцепилась в стол с другой стороны. Зелье трактирщика колыхалось в кружках, выплескивалось; Лиза машинально сняла их и поставила в углу.

Вдвоем они еле дотащили стол до порога и плотно приткнули к двери. Перевели дух... И только сейчас заметили: дверь-то отворяется наружу, так что при хорошем рывке ее не удержит та хлипкая задвижка, на которую она была заперта. Ну ладно хоть то, что теперь тишком двери не отворить, и любой ворвавшийся в комнату прежде налетит на стол.

Августа, поддернув рубаху выше колен и завязав узлом, чтоб не путалась в ногах (одеваться было недосуг), подхватила громоздкий табурет, кивком приказав Лизе последовать ее примеру.

– Покарауль возле ямины, – велела шепотом. – Мало ли кто теперь на той кровати обратно поднимется, когда они увидят, что нас нету. А я погляжу, нет ли в стенах ще...

Она не договорила. С тихим, вкрадчивым скрипом раздвинулись дубовые доски, которыми были обшиты стены почти до потолка, и какой-то человек, выставив вперед шпагу, ворвался в комнату.

В руках Августы взлетел, точно перышко, табурет, и она метнула его прямо в голову разбойника. Издав недоуменное утробное восклицание, тот завалился назад, но застрял в узкой щели, закупорив ее своим телом. Шпага его, звеня, покатила по полу; и в этот миг Лиза почувствовала, что пол снова заходил ходуном. Сперва ей показалось, что это ноги задрожали с перепугу, однако тут

же ударила догадка: кровать поднимается!

Она махнула Августе, и та, подхватив окровавленный табурет, метнулась к ней. Девушки напряженно вглядывались в темный провал.

– Неужто смертоубийство задумали? – тихо проговорила Лиза. – Вот звери лютые...

– Я поначалу решила, они просто-напросто хотят нас усыпить да ограбить, а тут вон что... – покачала головой Августа. – Все ж, надеюсь, одумаются, спохватятся!

Лиза печально усмехнулась. Она не хотела пугать подругу; напротив, дорого бы дала, чтобы хоть как-то ее успокоить: жизнь приучила ее прямо смотреть в лицо опасности и не пытаться спрятать голову под крыло.

– Помнишь, я тебе про Дарину рассказывала? – тихо молвила она. – Тоже все надеялась, бедная, может, одумается Сеид-Гирей, может, спохватится? Эх, Дарина, бедная Дарина... Плохая надежда, что у палача топор сломается! Лучше уж ко всему готовым быть.

Она вздрогнула. Послышалось или и впрямь раздался за стеной, где чернела узкая щель, не то стон, не то тяжкий вздох, когда она упомянула имя несчастной малороссиянки? Не ее ли призрак очнулся от вечного сна?

– Готовься! – насторожилась Августа. – Вот они!

Кровать поднималась чем выше, тем скорее, и вот из отверстия уже показались головы трех бандитов. Лица их недосуг было разглядывать; по команде Августы табуреты опустились на двух негодяев, однако третий успел выскочить из провала прежде, чем Августа вновь взметнула свое оружие. Он был так силен и ловок, что отшвырнул княгиню вместе с табуретом в угол и повернулся к Лизе, широко расставляя клешнястые руки, словно норовя обнять. В полусвете занимающегося утра его лицо было землистым, набрякшим, будто у вурдалака, только что восставшего из своей могилы.

Сделав несколько обманных движений, он вцепился в табурет и так яростно рванул, что в руках Лизы осталась перекладина. Обломки табурета полетели в

сторону, ненароком угодив на кровать, где по-прежнему были простерты окровавленные тела двух разбойников. Послышался сдавленный стон. Поняв, что еще пуще покалечил своих же сотоварищей, бандит и вовсе рассвирепел.

Выхватив из-за пояса тускло блеснувший кинжал, он метнулся было к Лизе, но тут Августа, успевшая прийти в себя и подняться, издала столь пронзительный визг, что бандит всполошенно завертелся на месте.

Лиза оглянулась и ахнула.

Августа подхватила с полу шпагу и встала в позицию с ловкостью заправского дуэлянта.

Согнув в коленях голые ноги и прищелкивая, будто кастаньетами, пальцами левой руки, воздетой над взлохмаченной головой, она быстро приближалась к разбойнику, переступая с пятки на носок. Глаза ее азартно сузились, верхняя губа ощерилась, из горла вырвался протяжный звук, напоминающий охотничье улюлюканье, словно Августа была сейчас выжлятником, шпага – исправно натасканным выжлецом, а растерянный разбойник – волком.

Он отступал и отступал, скосившись на острие, пляшущее перед самым его лицом. Право, шпага чудилась продолжением руки Августы, столь точно ловила она всякое движение негодяя, который, однако, все еще оставался опасен, ибо в руке его был зажат нож.

Лиза кинулась к валявшемуся в углу табурету, желая помочь Августе, однако тело, торчащее в стене, вдруг отодвинулось назад (в некий горячечный миг Лизе даже померещилось, что труп сам собою уползает с поля сражения!), щель снова расширилась, и из нее, как пробка из бутылки, с проворством, вовсе неожиданным для ее обрюзгой фигуры, выскочила желтолицая старуха, ядовито посверкивая глазками, еле различимыми меж морщин.

Крик застрял в горле Лизы...

Старуха, распялив рот в ухмылке, неспешно двинулась к ней; Лиза отступала шаг за шагом, пока не наткнулась на стену.

Едва удалось оторвать глаза от мертвенного взора, но тут же они приковались к сморщенным пальцам, комкающим край грязного передника. В этом было что-то особенно отвратительное... Чудилось: клубок змеенышей копошится в подоле старухи!

Колени вдруг подогнулись, и Лиза села, где стояла, бессильно привалившись к стене.

Внезапный приступ тошноты скрутил ее. Жабья морда нависала ниже и ниже. Этот взор держал ее, сковывал, не давал шевельнуться!

«Вот она, смерть моя...» – вяло подумала Лиза, как о чем-то, не имеющем к ней никакого касательства, медленно смыкая веки и уже ощущая на своем горле ледяную хватку.

Мельтешили перед глазами разноцветные пятна, их заволокло чернотой... И внезапно перед меркнувшим взором вспыхнуло исполненное страдания лицо Алексея!

«Берегись!» – страстно выкрикнул он, рванулся к Лизе... и видение исчезло.

Но исчезло и наваждение, опутавшее Лизу! Открыв глаза и отшатнувшись от зловонных рук, она увидела на полу кружки с отравленным зельем и, подхватив обе, с силой влепила их в лицо старухе.

Вопль, раздавшийся затем, мог бы мертвого поднять из могилы, и Лиза невольно закричала тоже, ибо страх ее уже превысил всякую меру.

Старуха стала столбом, широко расставив руки. Глиняные осколки торчали из ее отвислых щек, бурая жидкость стекала по набрякшему лицу.

Какое-то жуткое мгновение Лизе казалось, что сейчас ведьма утрется грязным рукавом и все начнется сызнова; однако вылезшие из орбит глаза вдруг погасли, старуха грянулась оземь, даже гул прокатился по комнате! Тело ее несколько раз конвульсивно дернулось и замерло.

С усилием оторвав взор от этих страшных содроганий, Лиза оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть завершение поединка Августа с ее противником.

Тому так и не удалось пустить в ход свой нож; шпага, стремительная и опасная, будто разъяренная змейка, стерегла каждое его движение. Погоняв злодея по всей комнате и не спеша с расправою, словно продлевая удовольствие, Августа сделала внезапный выпад как раз в тот миг, когда бандит стал вплотную к кровати. Он отшатнулся, ноги его подкосились; издав ликующий визг, Августа пригвоздила его к перине.

Не бросив на жертву даже взгляда, Августа кинулась к Лизе, и подруги, стоя над чудовищным трупом старухи, порывисто обнялись, не веря, что еще живы...

Не успели они перевести дух, как от мощнейшего рывка настежь распахнулась дверь, и какое-то окровавленное, растрепанное, изрыгающее стоны и проклятия существо ворвалось в комнату столь стремительно, что снесло дубовый стол, стоящий поперек пути, словно шляпную картонку.

Не тотчас Лиза и Августа признали хозяина остерии «Corona d'Argento».

Окинув безумным взором следы кровавого побоища и издав дикий крик при виде мертвой старухи, он рухнул на колени и, жалобно подвывая, пополз к остолбеневшим от изумления девушкам, простирая к ним руки.

Августа, брезгливо взвизгнув, отскочила, и трактирщик, ухватив за подол Лизу, поднес край ее платья к губам.

– Смилуйтесь, благочестивые синьоры! – возопил он, и слезы хлынули по гнусной роже, сменившей выражение жестокой хитрости на умильность самого искреннего раскаяния. – Пощадите! Я все расскажу! Напасть на вас меня заставили монахи и...

Он не договорил. Дверь вновь распахнулась, и в спальню, едва не застряв в дверях, наперегонки ворвались... граф Соколов и Гаэтано! Они были полуодеты, растрепаны, обагрены кровью клинок одного и нож другого, а также тяжкие стоны, доносящиеся из коридора, указывали, сколь тернист был их путь сюда.

Услышав последние слова трактирщика, граф опустил шпагу, но Гаэтано, очевидно, не поняв намерений злодея, уцепившегося за Лизу, с размаху метнул свой нож.

Раздался свист, звук удара, предсмертный крик, и трактирщик, запрокинув голову и обратив на Гаэтано мученический взор, медленно завалился на бок.

* * *

– Что ты наделал! – яростно выкрикнула Августа, подхватывая с полу свое скомканное, истоптанное платье и пытаюсь им прикрыться. – Он хотел что-то рассказать!

– Прошу простить, синьора, – смиренно отвечал Гаэтано, переводя дыхание и стыдливо отводя взор от ее белых оголенных плеч. – Думаю, негодяй просто лгал, покупая себе жизнь.

– Черт с ним, ваше сиятельство! – отмахнулся граф, утирая пот со лба. – Главное, вы живы и невредимы!

– Да уж, – буркнула Августа, уже вскочившая в платье и ставшая к Лизе спиной, чтобы та поскорее затянула шнуровку. – Но вы-то как здесь оказались, каким чудом?

– Сбилсся с дороги и приехал часа за полтора до вас, – развел граф руками, едва не задев шпагою успевшего отскочить Гаэтано. – Ужинать не стал, попросил сразу ночлега. Поместили меня сперва вот в эту комнату, а чуть только глаза смежил, как прибежал всполошившийся хозяин и принялся молить перейти в другую спальню, ибо эта срочно потребна двум высокочтимым дамам...

– О, так вы и были тем самым любезным господином, который уступил нам сие ложе? – подняла брови Августа, торопливо заплетая косу, обкручивая ее вокруг головы и принимая свой привычный невозмутимый облик. – Покойно же на нем спится, скажу я вам!

– Вот-вот, ложе-то меня и навело на подозрения, – кивнул граф. – В той комнатке, куда меня препроводили кружным путем, чтоб через общую залу не

вести, было две кровати, а здесь всего одна. Как так, думаю? Что за нелепица? Дам-то двое, им здесь было бы удобнее! Спорить я не стал, сильно спать хотелось. Только лег, сон прошел, я извертелся весь. Что-то здесь не так, чую... А потом услышал женские крики, схватился за шпагу – и в коридор. Не тут-то было: дверь моя заложена. Вышиб ее, конечно, но за порогом меня поджидали трое. Пока отбивался, новые набежали. Спасибо, герой сей вовремя подоспел. Это настоящий лев! – Он ткнул шпагою в сторону Гаэтано, опять лишь чудом не проткнув бедного парня насквозь. – Простите великодушно, ваше сиятельство, что поздно подмога вам пришла...

– Бог с вами, Петр Федорович! – Августа протянула ему руку для поцелуя, а когда он, зажав шпагу под мышкою, почтительно приложился, звонко чмокнула его в лоб. – Теперь понятно, почему они на нас всем скопом не бросились: вы их на себя отвлекли. Всем сердцем благодарю вас и тебя, Гаэтано! – Малый тоже был удостоен чести коснуться лилейных, окровавленных пальчиков. – Сей храбрец – кучер наш, Петр Федорович. Он-то нас сюда и завез, дурень! – Брови Августы вновь сошлись к переносице, но при взгляде на красивое, отважное лицо Гаэтано она смягчилась. – Прощу тебя лишь тогда, когда нас к «Св. Франциску» доставишь. Да как можно скорее!

Гаэтано даже подпрыгнул от радости и опрометью кинулся в коридор.

– Слушаюсь, *eccellenza!*[9 - Ваше сиятельство (ит.).] – раздался его ликующий вопль с лестницы.

– Дозвольте пойти одеться, княгиня! – Граф наконец заметил свой туалет и устыдился.

– Погодите, Петр Федорович, – жестом остановила его Августа. – Хочу в вашем присутствии поблагодарить моего самого храброго солдата!

Сияя глазами, она подошла к Лизе и, крепко обняв, троекратно расцеловала. В этих поцелуях было нечто церемонное и величественное, словно она и впрямь вручала награду отличившемуся в ратном деле.

– И вообразить не могла я такой отваги у женщины перед лицом смерти! Когда бы не Лизонька, меня в живых уже не было бы...

– Какое там! – от полноты чувств невольно всхлипнула Лиза. – Это я-то храбрая? Смех один!

– Не больно-то смешно. Про тебя и сказка сложена. Не слыхала? – ласково улыбнулась ей Августа. – А вот послушай-ка. Может, это быль? Говорят, будто мой... – Она осеклась, но тут же и выправились: – Говорят, будто царь Петр Великий раз поехал на охоту да заблудился. Начал дорогу отыскивать и повстречал солдата, шедшего домой со службы. Царь ему не открылся, охотник да охотник.

Пошли дальше вместе. Вдруг видят: изба стоит. А там разбойники жили, только на ту пору никого их дома не было, одна стряпка разбойничья кашеварила. Накормила она пришлых, напоила, на чердаке уложила.

Царь сразу захрапел, а солдату не спится. Болит душа, а отчего, бог весть! Вдруг слышит – загомонили внизу. Глянул в щелку: в горнице трое сидят с ножами да саблями, а с виду – хоть сейчас на правез иль на кол! Смекнул солдат, что попали они со спутником как кур в ощип. Обнажил саблю верную и стал у двери на караул.

Попили, поели разбойники, да и порешили гостей прикончить, добром их поживиться. Двое на двор пошли, а третий на чердак полез.

Только голова из дверцы показалась, солдат ее и срубил с одного маху. Так же со вторым и третьим злодеем расправился и только потом спутника разбудил: «Вставай, охотничек, царство небесное проспишь!»

Тот ох и ах: «Да знаешь ли ты, служивый, кому жизнь спас? Ведь я – царь Петр!» Солдат наш так и сел, где стоял...

Августа расхохоталась. Однако граф поглядывал на нее хмуро.

– Ну какой же я солдат... – пробормотала Лиза, сказкою очень довольная, хотя скромность не позволяла сие показывать.

– А что? Чем не про нас сказочка? – от души веселилась Августа. – Ведь по греческим бумагам фамилия моя Петриди! Что значит – из рода Петра! – И она

вновь залилась смехом.

Граф предостерегающе кашлянул.

– Да будет, будет вам, Петр Федорович, – отмахнулась Августа. – Я сама все знаю, все помню... Ладно уж, идите одевайтесь да спускайтесь во двор. Гаэтано небось запряг уже.

Она подошла к окну, выглянула. Чем-то озабоченный граф поспешно вышел, а Лиза, подобрав с полу свою шаль, вдруг опустилась на краешек окровавленной постели.

Ее как-то разом вдруг оставили все силы. Схлынуло мимолетное веселье, исчезли остатки страха и напряжения; осталась только леденящая душу пустота, которая охватывала ее вместо радости всякий раз, как она выбиралась из разных передряг, чудом избежав смерти. Воротилось то самое одиночество, от коего так зябла она и в ласковых приволжских лесах, и в раскаленной калмыцкой степи, и в благоухающих садах Эски-Кырыма.

Зачем, ради чего спаслась она и теперь? Кому нужны жизнь ее, трепет крови, биение сердца? Кто захлебнется счастливыми рыданиями, прижав ее к сердцу, кто восславит господа за ее спасение? Одна, всегда одна!..

Она не знала, что всего лишь тоскует о любви.

4. Рим

Не просто, ох как не просто оказалось прийти в себя после того, что довелось им испытать, стоя по колени в крови и видя руки свои обагренными кровью, – так все это вспоминалось Лизе потом, в ее страшных снах... Совсем плохи были они с Августою, когда граф Петр Федорович привез их в гостиницу «Св. Франциск» и сдал с рук на руки почти помешавшейся от беспокойства Яганне Стефановне. Впрочем, ей пришлось быстренько очухаться. Деваться некуда, надобно выхаживать обеих девушек. Августа разве что в падучей не билась, а Лиза все плакала, плакала безостановочно, так что опухшие веки по утрам приходилось

размыкать пальцами. Но нет, не раскаяние терзало – слишком много мертвых глаз уже смотрело вослед по всей ее дороге. Лиходеи не в счет. Злее лихоманки мучила люта́я жалость к себе, игрушке судьбы, грешнице без надежды на спасение души, жертве без прощения... Ну а Августу, думалось, всего лишь неизбывные страхи мают. Невзначай услышала ее с графом Петром Федоровичем разговор и поняла, что страх для такой души – пустое дело и забота из последних.

Голосом, сухим и дрожащим, словно в жарком бреду, Августа твердила:

– Да что же это, граф? Меня ведь убить могли, концы в воду, и никто, никто, даже вы, не узнали бы, где я и что со мною. И ей (как-то странно слово сие произнесено было, как-то особенно), и ей неведомо осталось бы, где я смертный час встретила. Скажите же, ради Христа, нужна ли я ей вовсе, коли безвестию и тайным мукам обречена? Виден ли конец схимы моей? Полно! Так ли все, как вы мне сказываете? Не чужие ли мы с ней, коли сердце не изболелось в разлуке? Сколько уж лет, вы подумайте...

Голос ее оборвался. И словно игла вонзилась в сердце Лизино: так вот оно как, стало быть, и Августа сама себя жалеет, ибо некому больше... Но тотчас и сие заблуждение развеялось.

– Да вы сами знаете, что напраслину на нее возводите, ваше сиятельство, – укоряюще отозвался граф, так же, как и Августа, обозначая слово сие.

– Напраслину? – взвилась княгиня. – Уж поверьте мне, друг мой: не девочка я, что на ручки просится. И прежде ласк ее не знавала. Что ж в мои-то лета по ним томиться? И скитания потому лишь докучны стали, что время уходит... Время теряю, вот что обидно! И... себя! Ежели ворочусь, так ведь чужестранкою закоренелю – чужеземною бродяжкою. Что люди подумают? Что они скажут? Будет ли вера мне? Или останусь в веках самозванкою?..

– Что велите делать, княгиня? – устало произнес Петр Федорович, и Лиза поняла, что разговор сей уже не впервой случается и напрочь неведомо мудрому графу, как быть-то...

– Послать в Россию, – после малой заминки выпалила Августа, и краски жизни вновь заиграли в ее голосе. – Послать в Санкт-Петербург гонца, чтобы с нею

побеседовал, чтоб спросил, какую участь мне готовит? Ту ли, для какой я назначена по праву рождения, или верны слухи: мол, она пруссаку – племяншке своему – наследие дедовское прочит?! Пошлите Дитцеля! От Дитцеля у ней секретов и прежде не было, и теперь не будет.

– Воля ваша, – согласился Петр Федорович, а днем позже Лиза услышала, как он молвил Яганне Стефановне:

– Ее сиятельство – одна из тех редкостных натур, благородных и романтических, которые радуются или скорбят из-за того, что о них подумает потомство!..

Вот тут и догадаться бы Лизе, кто такая эта княгиня Августа, тут и ужаснуться, одуматься, сойти с дороги ее... да где! Разве знала она хоть что-то, разве понимала, разве могла угадать? Так и осталась пожимать плечами в своем неведении.

Ну а как задумала Августа, так и сделалось. Герр Дитцель, ни словом не поперечившись, отбыл в дальний путь незамедлительно.

* * *

Итак, тяжело переболели Августа с Лизою, но пришел наконец день отбытия из гостеприимного «Св. Франциска». Вещи были упакованы и снесены вниз, девушки готовились сойти к наемной карете, где уже почтительно ожидали хозяин с хозяйкою, как вдруг в дверь кто-то робко постучал.

Открыли. На пороге стоял Гаэтано.

Да, да, тот самый кучер! Разумеется, после приключения в «Серебряном венце» он впал в особую милость у русских, да и хозяин «Св. Франциска» смотрел на него новыми глазами, а все три служаночки только что не дрались за право завладеть пригожим храбрецом. Его появление у Августы было тем более неожиданно, что около часу назад княгиня милостиво простилась с ним, щедро наградив, и он, призвав на нее благословение Мадонны, куда-то ушел из гостиницы. Но вот воротился.

Был он запылен, взлохмачен, раскраснелся, словно долго бежал, боясь опоздать. Устыдившись своего вида, начал приглаживать волнистые темные кудри и одергивать нарядную куртку под недоуменными взорами дам, а потом вдруг воскликнул:

– Милостивые синьоры! Молю вас, не погубите! Возьмите меня с собою, не то кровь моя падет на ваши головы!

– Что сие значит, голубчик? – спросила Августа с ласковой насмешливостью. – Неужто успел за один час понять, что вне службы у меня жизни себе не мыслишь, и руки вознамерился на себя наложить?

Гаэтано уставился на нее, не распознав насмешки.

– Аль мала была моя награда? Скажи, во что же ценишь услугу свою, и я оплачу твой счет!

Голос Августы высокомерно зазвенел, и Лиза подумала, что она непременно обиделась бы на такие слова. Но Гаэтано не замечал ничего, кроме своего отчаяния.

– Синьоры, как только вы уедете, меня настигнет месть за то, что я спасал ваши жизни! – прошептал он, со свойственной всем итальянцам впечатлительностью невольно перенося на себя все почетное бремя, и Лиза только головой покачала, вообразив, как же описывал он приключение в остерии. Теперь понятно, почему здешние девчонки все, как одна, головы потеряли!

Но Августа уже перестала усмехаться:

– Месть настигнет? С чего ты взял?

– Я только что видел в лесу одного из тех, кто был тем вечером в остерии. Тогда ему удалось удрать от меня, однако сейчас он не струсил, а начал меня выслеживать. Кое-как я скрылся, но им не составит никакого труда найти меня и расправиться со мною!

Августа передернула плечами с невольным презрением:

– Сколько тебе лет, Гаэтано? Уж никак не меньше двадцати, верно?

Тот задумчиво кивнул, словно не был в том уверен.

– А хнычешь, как дитя малое: ах, меня побьют, ох, меня обидят! Разве не мужчина ты? Разве силы нет в руках твоих, чтоб отбиться? Разве нет друзей и родни, чтобы стать за тебя?!

Краска бросилась в лицо Гаэтано. Он опустил глаза и заговорил не сразу, с трудом:

– Я бы не отступил в честной драке, лицом к лицу. Но как уберечься от кинжала, которым пырнут из-за угла ночью? Как уберечься от предательского залпа из зарослей? А что до родни и друзей, госпожа... – Он тяжело вздохнул. – Так ведь у меня нет никого на свете, тем более в этой стране!

– Почему?

– А потому что я не тосканец, не флорентиец, не падуанец, не венецианец – и не итальянец вовсе; не знаю, кто по крови, но я здесь чужой, и все мне здесь чужое, хоть и вырос тут с младенчества, и матери своей не помню, и речи иной не знаю.

– Как же ты попал сюда? – хором воскликнули обе девушки.

– Один бог знает. Думаю, мать моя была беременной рабыней, купленной у турок богатым генуэзцем, ибо я вырос в Генуе. Смутно вспоминаю ее голос, светлые глаза...

– Но хоть имя ее ты знаешь? – тихо, участливо спросила Лиза.

Гаэтано радостно закивал:

– Знаю! Имя знаю! Я звал ее Ненько[10 - Звательный падеж в украинском языке от слова «ненька» – мать, няня.]!

Лиза так и обмерла при звуке этого слова, которое даже нерусский выговор Гаэтано не смог исказить.

– Господи! – воскликнула она. – Ненько?! Неужели ты малороссиянин?

У нее даже слезы на глазах выступили. Вглядывалась в соболиные брови, сросшиеся у переносицы, большие, глубокие очи, отороченные круто загнутыми ресницами, очерк круглого лица, по-девичьи капризные губы, румяные щеки, темно-русые волосы, мягкою волною закрывавшие лоб, и чудилось: видела вживе одного из тех хлопцев-малороссов, рядом с которыми шла на сворке ногайской, билась на горящей галере... И дивилась себе: как можно было сразу же не признать в сем пригожем лице черты соотечественника, славянина, брата?

В один миг Лиза уверовала, что и своевременное воспоминание Гаэтано об укромной остерии, и предостерегающий взор волчьих глаз на кружку с отравленным вином, и рука молодого кучера, замершая на полпути, словно наткнувшись на змею, – все это были случайности, незначительные мелочи, вовсе недостойные того внимания, кое она к ним проявляла. И в конце концов Лиза позабыла о них, как забывала обо всем, саднившем ей душу или память... Что-что, а уж забывать она научилась отменно!

Она с жаром вцепилась в руку Гаэтано, жалея лишь о том, что он не помнит ни одного слова из речи предков своих. Он напомнил Гюрда – такую же невинную, несчастную жертву крымчаков. И всем сердцем, которое в этот миг мучительно сжалось от печальных воспоминаний, она пожелала, чтобы Гаэтано воротился на родину цел и невредим, чтобы сыскал там счастье!

К горлу подкатил комок, и Лиза отвернулась, скрывая невольные слезы.

– А я давно догадывалась, что ты не итальянец! – воскликнула Августа.

Гаэтано, видимо, растерялся, даже побледнел от удивления:

– Почему?

– У тебя совсем иные движения губ, когда говоришь. И слова произносишь чуть тверже. Точнее, я думала, ты сицилиец или неаполитанец, но уж точно не северянин, не римлянин.

– Синьоры, вас послала сюда Святая Мадонна! – вскричал Гаэтано.

Августа лукаво поправила его:

– Мы говорим – Богородица!

– Бо-го-ро... – попытался повторить он, но не смог и вдруг рухнул на колени, простирая вперед руки. – Я был рожден на чужбине, так неужто мне и смерть здесь принять суждено?!

Ну что было ему ответить?..

Вот и вышло, что герр Дитцель уехал в Россию, а все остальные, и в их числе Гаэтано (его так и называли, ведь иного имени он не знал, а креститься здесь было негде), отправились в Рим.

На виллу Роза.

* * *

Порою Лиза сама себе поражалась. Казалось бы, уже давно сердце ее настолько изранено – ведь это только на ногах заживают следы дальних странствий, а раны сердца неисцелимы и вечны! – что не сыщется в мире ничего, могущего воротить ей радость и остроту впечатлений, а поди ж ты, снова и снова, после темных провалов, возносило ее на светлые вершины, откуда широко и вольно открывался окрестный мир, сияющий и поющий, за который она волей-неволей благодарила бога, – и летела над теми вершинами, пока новый черный смерч вновь не скручивал ее и не свергал в бездну.

Так было, она помнила, всегда, с самого детства, еще когда беспросветность Елагина дома была основой ее существования. В неизбывной суровости дней подчиненным Неониле Федоровне случалось, спозаранку слезами умывшись, выбежать по воду и вдруг замереть у забора, закинув голову и уставившись в вышину, где, вихрем крыл колебля заснеженные липы и рябинки, неслись птичьи стаи – одна за другой, бессчетно, небо до мрака в очах закрывая! Ветер летел тогда с небес, прерывая дыхание и студя щеки. Иной раз птицы опускались на ветви, унизывали их, будто бусинами, раскачивая, – то были

свиристы, запоздавшие с перелетом в теплые края, их ледяной, стеклянный перезвон так и сыпался наземь. Хоть пригоршнями собирай!

Вдруг, взметнувшись, улетали стаи, а невидимый звонарь все еще раскачивал рассветный небесный колокол, звеневший прощально. И в горле забывшей обо всем на свете Лизы рождался счастливый крик, и руки рвались в вышину, хоть две деревянные промерзшие бадейки нудно тянули к земле... Мешалось счастье с горем. Вместо вольного клика вырывалось сдавленное рыдание. Но сердце еще долго трепетало неизъяснимым блаженством свободы и красоты...

Вот так же случилось и здесь. Еще на подъезде к новому жилью мелькнули на углу, в нише, статуя какого-то святого, сгорбленного, словно бы под бременем чужих грехов, старинные барельефы, кроткая мраморная Мадонна с божественным младенцем на руках, и Лиза вдруг ощутила трепет и замирание сердца: Рим входил в него, как нож, как сладостное безумие входит в одурманенную опиумом голову!

Начиналось это каждый день, начиналось с малого: кофе со сливками по утрам, вовсе непохожий на ту черную горькую отраву, которую приходилось пить в Хатырша-Сарае; очарование тихих часов, проведенных над книгами, которые привозили из всех книжных лавок Рима; прелесть всего этого тихого и уединенного места, этой поросшей травой улицы, посреди которой тихо пел фонтан Маскероне... А потом, когда с легкой руки синьора Дито была куплена изящная крытая двуколка – calessino – и Гаэтано уселся на козлы, Рим легко и щедро предоставил другие всяческие наслаждения.

Августа усаживалась каждое утро в calessino с решительно поджатыми губами и стремлением сыскать на сих причудливых улицах подтверждение тому, о чем она читала в книгах. Наслышавшись о Риме прежде, она создала себе некий его образ и теперь сличала мечту с реальностью, действуя с придирчивостью ученого, ищущего подтверждение самым смелым своим замыслам, ведь XVIII век был особенно падок на всякую ученость! Однако ничто так не губит воображение, как рассуждение или работа памяти, а потому в глубине души Августа признавалась себе, что Рим несколько разочаровал ее... И все же, словно исполняя некий обет, она неуклонно тащила Лизу на поиски античных руин или более поздних каменных красот, наставительно повторяя что-нибудь вроде: «Пока стоит Колизей, будет стоять Рим; когда падет Колизей, падет Рим; когда падет Рим, падет весь мир!»

Для Лизы все рассказы Августы о седой старине человечества оставались чем-то вроде сказок, а трагизм сражений гладиаторов значил не больше, чем отвага охотников, в одиночку поднимающих из берлоги медведя. Великий Колизей, великие термы Каракаллы, залитый солнцем Палантинский холм с дворцами великих цезарей – Лиза называла их великими, повторяя слова Августы, но она и сама ощущала нечто, глядя, как они стоят, объятые таинственной тишиной, облитые жарким солнцем, бросая свои гордые тени, скрывая в этих тенях таинственные подземные переходы, окутанные молчанием; хотелось идти на цыпочках, чтобы не разбудить эхо, заснувшее среди этого всевластия камня.

Рим тревожил Лизу потому, что был для нее городом уснувших, зачарованных существ. Античные мифы на время заставили ее забыть любимые с детства сказки, и вечная зелень, венчающая холмы и руины, трепет плюща, увившего старые дубы, платаны или фиговые деревья, уверяли ее, что еще не совсем угасла жизнь нимф, соединивших свои тонкие тела с морщинистой корою деревьев и прохладной водою источников. У Лизы были свои причины обожествлять воду. И более всего полюбила она Рим за то, что не было в нем ни одного палаццо, молчаливый двор которого не оживлял бы мерный плеск падающей воды; не было такого бедного и жалкого угла, в котором не отыскался бы свой источник. Мраморный лев терпеливо извергал из пасти струю; вода лилась из раковин и козлиных голов; из желоба в стенке непрерывно истекал ледяной поток, силясь утолить никогда не утолимую жажду печального дельфина, чье тело казалось столь же мокрым и упругим, как и у его живых собратьев, когда-то спасших жизнь Лизе... И всюду были розы: настоящие, благоуханные, – и мраморные, изображенные в бесчисленных и нежнейших колебаниях, от бутона до распутившегося во всей красе пышного цветка.

Здесь все было живым! Даже в статуях не видела она мертвых изваяний. Казалось, они танцуют, даже когда стоят на одном месте!

Августа из любопытства частенько заглядывала в католические храмы, а Лиза их боялась. Красивы, великолепны, а чужие насквозь. В них не воспаряла душа к небу, здесь нельзя было найти уголка, где бы на нее снизошел высший мир, – везде окружали ее земная надменность и гордыня. Лиза молилась дома, на вилле Роза, как и все ее соотечественники, помня всей душой и пальцами это ощущение воска и его слабый аромат, когда ставишь свечу перед иконою и с поклоном и крестным знаменем молишь господу о спасении. Пусть чистая и радостная вера юной, безгрешной души давно канула в былье, она не могла расстаться с мыслями о боге, словно то была последняя ниточка, связывающая

ее с родиной и дающая надежду на возвращение. Эти минуты обращения к нему были похожи на краткий отдых после изнурительного бега, когда присядешь на покрытый мхом порожек, освещенный низким зимним солнцем, переведешь дух, поднимешь голову...

Конечно, праздная живописная пестрота итальянской жизни была порою утомительна, но Лиза покривила бы душой, сказав, что пресытилась ею. Она привязалась к Риму, как к живому существу, впитывала всем сердцем звуки, краски, запахи его, изумляясь, восхищаясь, сердясь, смеясь... И очаровываясь им все сильнее.

* * *

Разумеется, дам в одиночку более не отпускали. Даже Гаэтано был признан недостаточным защитником. Обыкновенно ездил с ними Фальконе, иначе его почти не называли. Весь в черном, суровый, важный, чье выражение лица, походка, речь были бы уместны у короля, скрывающего свою судьбу под плащом скромного синьора. Немыслимым казалось, что сей невозмутимый господин лишь часа два тому назад в расстегнутом жилете и без шляпы прыгал со шпагой в руке, отражая поочередные либо совместные атаки двух босых девиц, облаченных в мужские рубахи и панталоны.

Теперь с этого начинался всякий день: с уроков фехтования, на которых Августа оттачивала свое мастерство, а Лиза обучалась бретерской забаве с каким-то щенячьим, ее саму изумляющим восторгом. Минувшие годы сделали черты Петра Федоровича суровыми, он ворчал: «Спина уже порядочно хрустит!» Однако Лизе случалось ловить удивление в его взоре, слышать одобрительное чертыхание, и она понимала, что семимильными шагами продвигается вперед в искусстве боя. Даже Августа – к немалой ее досаде! – была Лизе уж не соперница. Странствия и приключения, как ни странно, не только изранили ее душу и отточили ум, но и закалили тело, сделали железными кисти рук, неутомимыми – ноги, легким – дыхание, не согнули, а, напротив, развернули плечи. Увлекаясь дерзкою игрою со шпагой, стараясь подражать Фальконе, Лиза мнила, что во всем ее облике ощутимы та же непреклонная воля и открытый ум, не ведая, что ее бесшабашная, восторженная удаля, бывшая ключом, куда сильнее подавляет противника, нежели показное равнодушие.

Ну а слегка передохнув после боев, отправлялись кататься по Риму, и Лиза глазела по сторонам, краем уха рассеянно слушая, как Августа и Фальконе садятся на своего любимого конька: спорят о государственности – древней римской и современной российской. Все это казалось ей пустым звуком.

Хоть и робела признаться в том подруге, созерцание платьев, шляпок, карет и вообще живых римских улиц было для нее куда завлекательнее зрелища мертвых камней. Особенно привлекала Испанская лестница.

Высоко над Испанской площадью возвышается церковь Trinita del Monti; перед нею лежит небольшая площадка, а с нее ведет вниз громадная, в 125 ступеней, в три этажа, лестница с террасами и балюстрадами, главным и двумя боковыми входами.

Народ целый день снует вверх и вниз; и даже Августа принуждена была признать, что спуск по Испанской лестнице достоин ее внимания...

Здесь-то и встретились Августа и Лиза с Чекиною.

* * *

У самого подножия Испанской лестницы сидел толстый старик, словно сошедший с одного из мраморных античных изображений Сильвана[11 - Древнеримское наименование лесного бога.], даром что был облачен в какие-то засаленные лохмотья. На полуседых, кольцами, кудрях его лежала шляпа, более напоминающая воронье гнездо, а пористый нос цветом схож был с перезрелой сливой. В кулачищах его зажаты были несколько обглоданных временем кистей и грязная картонка с красками; вместо мольберта, как можно было ожидать, перед ним прямо на парапете лестницы сидела какая-то женщина в поношенном черном одеянии и несвежем переднике. Определить, молода ли, хороша ли она, было невозможно, ибо Сильван с сумасшедшей быстротой что-то малевал на лице ее, будто на холсте.

– Батюшки-светы! – воскликнула Лиза, дернула за юбку Августу, уже садящуюся в карету, которую предусмотрительный Гаэтано подогнал к исходу лестницы. – Ты только взгляни, Агостина!..

Молодая княгиня оглянулась и ахнула.

– Да ведь это всего-навсего рисовальщик женщин! – слышался снисходительный голос Гаэтано, поглядывавшего с высоты своих козел, искренне наслаждаясь зрелищем столбняка, в который впали его хозяева.

– То есть как это – рисовальщик женщин?! – спросили русские чуть ли не хором. – Ты хочешь сказать, он рисует картины с фигурами женщин?

Гаэтано весьма непочтительно заржал, но тотчас смутился под ледяным взглядом Фальконе и заговорил куда смиреннее:

– Он не рисует картины! Разрисованный товар сам является к нему! Предположим, высокочтимые синьоры, подбил какой-то юноша глаз своей подружке. А ей нужно в гости или еще куда. Она сейчас к рисовальщику женщин, и он за пять или десять центезимо наводит ей прежнюю красоту.

Не успел Гаэтано договорить, как рисовальщик отстранился от своей «картины», взирая на нее по меньшей мере с видом Боттичелли, завершившего свою «Примаверу».

О нет, здесь речь шла о куда большем, нежели подбитый глаз! Перед ними было не лицо, а грубо размалеванная маска: некие разводы на тщательно загрунтованном холсте, и среди этих свинцово-белых и кроваво-красных пятен сверкали огромные черные глаза, полные слез.

При виде двух богато одетых дам эти глаза зажмурились, наверное, от стыда; женщина резко повернулась, побежала вверх по ступенькам, как вдруг с жалобным стоном метнулась обратно.

В глазах ее теперь был ужас. И тут же стала ясна причина этого.

Сверху огромными прыжками мчался здоровенный детина в грязных лохмотьях, сверкая стилетом, который показался перочинным ножичком в его огромном кулаке.

Так вот почему рисовальщик женщин потратил так много времени на лицо этой итальянки! Вот почему сделал ее похожей на куклу! На бедняжке, наверное, места живого не было от его побоев.

Меж тем грозный рык заставил ее рвануться очертя голову вперед; и она, словно бы сослепу, наткнулась на Августу, замершую у кареты.

Ноги беглянки подкосились, она рухнула на мостовую, воздев очи, залитые слезами.

– О милостивейшие синьоры! – возопила несчастная. – Сжальтесь надо мною, заклинаю вас Пресвятой Мадонною! Он убьет меня, и нет никого на свете, кто мог бы заступиться за меня!.. И даже матушку мою не приведет в отчаяние моя гибель...

Лиза вздрогнула. «Нет никого на свете, кто мог бы заступиться за меня...» Это ведь о ней сказано!

Августа вздрогнула тоже. «И даже матушку мою не приведет в отчаяние моя гибель...» Это ведь сказано о ней!

Меж тем девушка лишилась чувств; и пока обе молодые дамы пытались ее поднять, Фальконе, выхвативший шпагу, и Гаэтано, невесть откуда извлекший стилет, да еще с кнутом в левой руке, бок о бок двинулись на верзилу. И тот... дрогнул!

На его тупой физиономии появилось выражение несказанного изумления, как если бы статуи, украшавшие балюстрады Испанской лестницы, вдруг сошли со своих мест. Глаза засновали с опасно подрагивающего острия шпаги Фальконе на стилет и кнут Гаэтано. Верзила повернулся и бросился вверх по ступеням с тем же проворством, с каким спускался по ним.

Храбрые рыцари вернулись к дамам.

Итальянка уже вполне пришла в себя. Августу поддерживала ее. Лиза платком, смоченным в фонтане, обтирала лицо, открывая картину такого жестокого избиения, что Фальконе даже перекрестился троеперстием справа налево,

забыв, что он теперь житель католической страны.

– Боже правый! – воззвал он. – За что же этот негодяй изувечил вас, милая синьорина?!

Слезы снова заструились из черных очей. И вот что рассказала несчастная «картина»:

– Имя мне – Чекина. Этот злодей, Джудиче, был моим женихом. Он мне двоюродный брат, и после смерти моей матушки ее сестра воспитала меня как дочь. Самой заветной мечтою ее было видеть меня женою сына, ибо она полагала, что его необузданный нрав укрощается в общении со мною. Я же теперь знаю, что Джудиче укрощала лишь надежда поживиться скромным наследством, доставшимся мне от матери: пятью золотыми венецианскими цехинами.

Менее месяца назад тетушка умерла от малярии, терзавшей ее долгие годы, но перед смертью вложила мою руку в руку Джудиче, призвав в свидетели Мадонну. Теперь уж я не могла противиться и стала полагать себя помолвленной с ним. Для него же клятвы пред образом Мадонны были лишь забавою! Не прошло и двух недель, как схоронили тетушку, он подмешал мне в питье сонное зелье и обманом ловко украл мою девственность, а заодно снял с меня, бесчувственной, кошель с золотом. Когда же я очнулась и принялась его проклинать, он заявил, что более не намерен жениться на мне, ибо я уже не девушка, да притом бесприданница... Я думала наложить на себя руки, да убоялась греха и продолжала жить в доме Джудиче: мне просто некуда было податься! И вот однажды зашел к нам его приятель и показал ему тот самый стилет, который вы видели у моего супостата. У стилета была великолепная резная рукоять, и Джудиче отчаянно возжелал обладать им. Приятель нипочем не соглашался ни подарить, ни продать эту вещь. Тогда Джудиче принялся молить его, как приговоренный молит о пощаде, пойти на сделку и обменять стилет на меня... Я принуждена была вытерпеть еще и это унижение! Но, уразумев, чего от меня хотят, принялась так биться и вопить, что Джудиче избил меня чуть ли не до смерти. Сделка все же свершилась, мой любовник меня продал...

– Господи Иисусе! – воскликнула Августа.

Фальконе только головою качал, а Лиза едва удерживала слезы: история Чекины до такой степени напомнила ей рассказ несчастной Дарины, что сердце мучительно сжалось.

И вдруг тяжкий прерывистый вздох раздался позади. Лиза, обернувшись, увидела страшно бледное лицо Гаэтано, схватившегося за сердце... Он тоже был потрясен. И как сильно!

Чекина продолжила свою историю:

– Очнувшись и собрав последние силы, я украла у спящего пьяным сном Джудиче последние пятьдесят чентезимо и прибежала к рисовальщику женщин. Я заплатила ему, чтобы он скрыл следы побоев на моем лице, а потом намеревалась пойти искать работу у какой-нибудь добросердечной дамы...

Ее наивность вызвала невольные улыбки на лицах слушателей. Невозможно было даже вообразить ту даму, которая решилась бы просто так, из одного добросердечия, взять на службу размалеванную, вульгарную куклу, которой была Чекина пять минут назад. Но она, видно, уловила, кроме насмешки, еще и проблеск жалости в чертах Августы, ибо глаза ее впились в лицо молодой княгини, словно пиявицы.

– Во имя господи нашего! – вскричала она, простирая руки. – Ради всех милосердий! Возьмите меня в услужение! Вы не пожалеете, синьора! Я все на свете делать умею, клянусь! Я умею шить, плести кружева и вязать чулки, стирать и утюжить, стряпать, мести пол, мыть посуду, ходить за покупками. Я умею даже причесывать дам! Я умею все! О, прекрасная синьора, молю вас, возьмите меня к себе! Иначе мне ничего не останется, как броситься с моста в Тибр, и я сделаю это, клянусь матерью, но тогда кровь моя падет на вашу голову!

Нечто подобное, вспомнила Лиза, она уже слышала, и совсем недавно... Ах да! То же самое говорил им Гаэтано в «Св. Франциске». Что это они, право, сговорились, что ли, эти итальянцы?

Однако, похоже, расхожая мольба имела прямой путь к сердцу Августы. Она устремила жалобный взор на Лизу и Фальконе.

Лиза только плечами пожала; она и сама из милости здесь. Ей ли ставить препоны мягкосердечной Августе, холодно-горделивая внешность коей, оказывается, не более чем маска. Фальконе досадливо нахмурился. Но тут Чекина подползла к нему на коленях, схватила за руку, поднесла ее к губам. Побагровевший от смущения граф только мученически закатил глаза: мол, что хотите, то и делайте. Воля ваша!

На том и порешили.

5. Утешительница

Надобно сказать, что свой хлеб на вилле Роза Чекина ела не даром. Под ласковой защитой Августы она уже через несколько дней ожила, как оживает вволю политый цветок. Синяки исчезли, и молодая итальянка, в новом скромном черном платье, с матовым цветом изящного лица, с гладко причесанными, блестящими волосами и огромными глазами, очень мало напоминала то избитое, перепуганное существо, кое заплатило пятьдесят чентезимов рисовальщику женщин. Казалось, с нею в просторные залы и маленький сад виллы Роза ворвалась свежесть Тибра.

Прежде Яганна Стефановна и Хлоя с трудом справлялись с уборкой, стряпнею и стиркою. Лиза с охотою помогала бы им: даже за два года не разучишься печь пироги, варить щи да кашу, мыть и катать белье. Однако Яганна Стефановна умерла бы на месте, пожелай княжна Измайлова сама хотя бы постель свою застелить. Быть высокородной особою Лизе порою казалось весьма скучно! С тех пор как княгиня Агостина Петриди со своею свитою поселилась на вилле Роза, туда остерегались приглашать назойливых, болтливых поденщиц. И на весь облик этого милого дома постепенно ложилась прежняя печать запустения. Теперь же все переменялось, словно по мановению волшебной палочки!

Чекина металась по комнатам, как вихрь, оставляя их за собою сверкающими. Можно было подумать, что она родилась со щетками, метлами и тряпками в руках. Она успевала все на свете: проснуться даже раньше Хлои и сбегать на базар, мгновенно приготовить завтрак и подать его Фальконе, который вставал тоже чуть свет, но не любил завтракать в своей опочивальне, а всегда спускался в столовую, где его поджидала веселая, кокетливая Чекина. Тут появлялись и

Яганна Стефановна с Хлоей, относили подносы с завтраком проснувшимся дамам.

Если княгиня и граф Петр Федорович относились к ней с приветливой снисходительностью, а Гаэтано – слегка насмешливо, словно никак не мог забыть ее прежнего обличья, то фрау Шмидт и Хлоя возненавидели Чекину чуть ли не с первого взгляда. Почему? Или ревновали к расположению княгини? Или скучали по тому количеству домашней работы, которое сняла с их плеч расторопная Чекина? Бог весть, однако они сделались даже схожи между собой в своей неприязни – с этими их поджатыми губками и недовольно потупленными взорами. Впрочем, никто, и прежде всего Чекина, не обращал на них никакого внимания. Она всегда была так услужлива и мила, что могла бы расположить к себе всякое сердце, кроме сердец фрау Шмидт и Хлои... Зато Лизе она нравилась.

И эта приязнь была взаимной. Подавая завтрак, Чекина так и норовила задержаться в ее опочивальне, раздвигая занавеси, поправляя постель, наводя порядок на туалетном столике, меняя свечи, поднимая с ковра книжку, которую Лиза читала за полночь, подавала легкое домашнее платье, короткое, свободное, тончайшее, с глубоким декольте, украшенное множеством бантов, и вышитые туфли без задников, которые Лиза недолюбливала, потому что они слишком уж напоминали ей турецкую обувь. Чепцы она тоже терпеть не могла, даже кружевные, со множеством нарядных бантов и лент.

Новая служанка охотно взялась бы причесывать Лизу, но та не позволила, как не позволяла и Хлое, и Яганне Стефановне: с тех же самых приснопамятных дней жизни в Хатырша-Сарае она не выносила прикосновения чужих рук к своим волосам, словно боялась, что опять заплетут их в два десятка татарских косичек! С тяжелою черной гривой Августы могли управиться только проворные руки Яганны Стефановны, вооруженные вдобавок раскаленными щипцами, а Лиза научилась сама укладывать модными локончиками свои волнистые, послушные, мягко льнущие к пальцам волосы. Чекина только наблюдала со стороны да советовала, как затейливее украсить прическу. К изумлению Лизы, молодая итальянка, выросшая в беднейших кварталах Рима, была сведуща во всех тонкостях дамского туалета – от серег и ожерелий до нижних сорочек. Для Августы, при всей ее величавой красоте, словно бы и не существовало соблазнов модных лавок. Лиза же разохотилась до всего этого, еще когда впервые заглянула в сундук Сеид-Гирея, а теперь ей просто не вмоготу было! Чекина невольно растравляла ее раны и возбуждала страстное желание все новых и

новых нарядов. Желание, увы, неосуществимое, ведь у Лизы не было ни гроша, то есть ни чентезимо.

* * *

Началась зима. Декабрь уже шел на исход. Лизе казалось, что итальянцы насмеются над природою, когда именуют зимою то благостное тепло, кое царило вокруг. В садах стояли вечнозеленые деревья, светило и грело солнце, снег легчайшею белою каймою лежал на вершинах дальних северных гор.

Цвели лимоны и померанцы, на некоторых деревьях уже золотились плоды; и если лимоны, высаженные под стенами, иногда прикрывали рогожами на ночь, то померанцевые деревья стояли неприкрытые, и сотнями полыхали на них прекрасные плоды. Хотя Чекина уверяла, что по-настоящему вкусные померанцы возможны лишь в марте, Лиза и в декабре не в силах была оторваться от этих солнечных фруктов.

Случались, разумеется, и ненастья. Вдруг налетал с севера трамонтана – сильный, мучительный, студеной ветер, приносивший дожди, которые обивали наземь померанцевые цветы... В один из таких нежданно ветреных дней заболела Августа.

Сделалось это до крайности нелепо. Как-то раз на Испанской лестнице Августу, Лизу и Фальконе застиг вдруг ливень, да такой, что в считанные мгновения все вымокли до нитки. Скрыться было решительно некуда, оставалось только поскорее спускаться, чтобы в поджидающей карете умчаться домой – сушиться.

Тут и вышла незадача: ни Гаэтано, ни calessino на месте не оказалось. Дождь наконец прекратился, но налетел такой ветер, что зуб на зуб не попадал! Даже не верилось, что час назад было по-летнему тихо и тепло, почти жарко!.. Наконец-то явился Гаэтано, тоже мокрый и трясущийся, чтобы сообщить своим продрогшим господам: кто-то вытащил чеки из колес, так что карета «обезножела».

Пока Фальконе бранил Гаэтано, пока искали наемный экипаж, пока сыскали его, пока ехали, обе дамы уже чихали и кашляли одна другой громче.

Лиза только тем и отделалась; Августа же, у которой поначалу даже легкого жару не было, на третий день обеспамятела и металась в бреду, хотя денно и ночью была рядом с нею верная Яганна Стефановна с теми же самыми настойками и припарками, коими она пользовалась Августу с самого малолетства. А вот, пооди ж ты, на сей раз ничего не помогало!

Губы молодой княгини обметало, глаза запали в черные полукружия; исхудалые пальцы беспокойно сновали по одеялу, волосы липли к влажным вискам. И как невнятен, как непостижим бывал ее внезапный, тяжкий бред!..

Как-то Лиза, отправив отдохнуть валившуюся с ног фрау Шмидт, сидела у постели Августы, погруженная в глубокую, почти болезненную задумчивость; вдруг княгиня резко села и, устремив на Лизу свои лихорадочно блестящие глаза, прохрипела:

– Твое сердце может открыто быть – оно чисто, а я не могу. Мне надо скрывать, что в нем происходит!

И снова упала на подушки...

Господи, как же это было страшно, как испугалась Лиза этих несусветных, будто случайное пророчество, слов, в которых ей послышался смутный упрек!.. Почему, за что – она не ведала, но до боли сжалось сердце от непонятной вины. Она просто жила, впитывая жизнь всем существом своим и наслаждаясь ею, а что же Августа? Значит, она все время страдала? Отчего? И почему нипочем не желала открыть тайн своих, как если бы ее неосторожное слово могло повлечь за собою некие страшные бедствия?.. А ведь и Лизино сердце было не так уж чисто и открыто, и она ведь кривила душою пред подругою, пытаясь забыть свои грехи...

* * *

Чекина тоже рвалась ходить за Августою, своей благодетельницей и спасительницей, но тут уж фрау Шмидт оказалась неколебима и не допустила ее к больной. Не изменила она решения и тогда, когда после незаметно минувшего в печальных заботах Рождества Христова Чекина явилась к ней с ладанкою, освященной в соборе Св. Петра, моля надеть ее на шею Августы и клянясь, что та обладает целебными и чудесными свойствами. Лиза видела, как

на миг ослабли суровые, замкнутые черты Яганны Стефановны. Но тут же она вновь поджала губы и холодно заявила, что не может надеть католическую реликвию на шею православной княгини.

Чекина на миг даже речи лишилась. Видимо, ее поразила подчеркнутая неприязнь фрау Шмидт, которая не смогла скрыть ненависти, сверкнувшей в очах, тотчас затененной густыми ресницами. Впрочем, это не помешало ей через неделю появиться перед благоволившим к ней синьором Фальконе и смиренно просить передать милостивой госпоже кипарисный крест, в который искуснейшим образом была вделана потемневшая от времени крохотная щепочка от честного креста господня; реликвия была освящена в Афонском монастыре, что, безусловно, делало ее самой что ни на есть православнейшей и поистине бесценной.

На вопрос, откуда у простой итальянки такая редкость, Чекина ответила, что один из ее дальних родственников – служка в церкви Санта-Мария Маджоре; как-то у него в доме умер богатый греческий купец, совершавший паломничество по святым местам всего христианского мира. Крест хранился у милосердного служки, подобравшего заболевшего паломника и закрывшего ему очи, а теперь он с охотой отдал его любимой племяннице, уверенный, что реликвия окажет благотворное воздействие на здоровье доброй синьоры Агостины.

Тут уж даже непреклонной фрау Шмидт нечего было возразить. И драгоценный крест надели на шею Августы рядом с серебряным крестильным...

Чекина, наверное, ожидала, что состояние больной мгновенно улучшится. Правду сказать, Августа перестала впадать в беспамятство, почти прекратился бред; однако же она была все еще очень слаба; руки и лицо ее стали словно восковые, и она целые дни проводила в дремотном оцепенении, повергая в уныние всех домочадцев.

* * *

Прошел уже месяц с тех пор, как слегла Августа, и вся белая вилла Роза с каждым днем словно бы чернела. Как будто хворь госпожи набросила на нее некую мистическую тень.

Пуще всех страдала от этого Лиза. Нет, не уменьшилось ее горячее к Августе сочувствие, не минула жалость, просто рядом с ними выросло щемящее, теснящее душу нетерпение, порою переходящее в глухое, едва сдерживаемое раздражение против всего мира. Фальконе, фрау Шмидт и Хлоя, положившие жизнь на присмотр за княгиней Дараган и всяческое ей угождение, несли свой крест со стоическим упорством и наслаждением; ну а Лизина душа металась и стенала; и все при том, что на людях была она по-прежнему терпеливою, самоотверженною сиделкою, но внутренне возмущалась тем, что иного от нее будто бы и не ждали, будто бы и она попала теперь в ту же нерасторжимую зависимость от судьбы Августы.

Единственная из всех Чекина поняла, что происходит с Лизою. Молодая итальянка оказалась вовсе не такой уж наивной простушкой, каковой могла показаться, приседая перед Фальконе, терпя придирки фрау Шмидт или кокетничая с Гаэтано! Именно Чекина вдруг, как бы ни с того ни с сего, сказала Лизе, что, если дела так и дальше пойдут, на вилле Роза будут две больные вместо одной.

– Вам надобно отдохнуть, синьорина. Нельзя все время идти, согнувшись в три погибели. Распрямитесь хоть ненадолго!

– Что ж ты мне присоветуешь? – раздраженно спросила Лиза, не отрывая лица от подушки, в которую уткнулась, пряча злые слезы. Пуще всего она плакала из-за постыдной душевной черствости, которую обнаружила в себе. – Разве прочь сбежать? Да куда ж я пойду и зачем?

– Поверьте, вам и один день роздыху сладок покажется после сей каторги, – ласково пропела Чекина, и Лизу вдруг по сердцу резануло это грубое и откровенное – «каторга». Но итальянка, почуяв свою осечку, обрушила на Лизу ворох предположений и предложений, смеха и соленых шуточек, сочувственных восклицаний и советов, после которых оглушенная Лиза была уже вполне уверена в одном: дни ее сочтены, ежели один из них она не проведет как можно дальше от виллы Роза.

Проще сказать, ей вдруг стало нестерпимо скучно... Порою до дрожи хотелось дикого посвиста ветра, слитного шума дубровы, ожидающей грозы, скрипа саней под полозьями – всего того, чего в прекрасной Италии не было и не могло быть. Доходило до того даже, что она с упоением вспоминала опасные приключения на постоялом дворе! Словом, пособничество Чекины пришлось как

нельзя кстати.

Служанка советовала уйти тайком, сказавшись еще с вечера недужною и попросивши не беспокоить себя хоть денек, а уж она-то, Чекина, неусыпно станет следить за исполнением сей просьбы! В своем платье идти никак нельзя. Девушки из благородных семей в Риме шагу не могли ступить без призора маменек, тетюшек либо старших братьев; замужние матроны появлялись не иначе как в сопровождении кавалеров-servantos, охраняющих их в отсутствие супруга, а то и, как злословила молва, с готовностью исполняющих и прочие его обязанности. Только лишь простолюдинки – крестьянки, мещаночки – могли свободно и в одиночку появляться на людях. Коли так, Лизе надлежало сказаться простолюдинкою и соответственно одеться.

Тут же расторопная Чекина притащила в ее опочивальню одно из своих новых, щедростью Августы купленных одеяний. Примерив его, Лиза ощутила себя как бы заново родившейся... А может быть, наоборот – улиткой, спрятавшейся в свою раковину. Два минувших года словно бы канули в никуда, и она вновь воротилась в обличье той Лизоньки, которая жила когда-то в Елагином доме. Вот разве что вместо темного сарафана, скромного платочка и лапотков на ней теперь был узкий черный атласный корсаж, надетый на рубашку с длинными рукавами и так туго зашнурованный, что талия стала тонюсенькой; потом была еще надета ярко-синяя шерстяная юбка, а под нею – нижняя, из грубого льна, отчего верхняя казалась пышной-препышной, словно ее распирала китовый ус или финжмы. Чекина дала Лизе деревянные смешные башмаки, полосатые чулки, самые свои нарядные, а прикрыть волосы столь редкостного для римлянки цвета надлежало черною кружевною косынкою, называемой zendaletto. Чекина втолковала Лизе, что, замерзнув, она может не стесняться поднять подол верхней, шерстяной, юбки и закутаться в него. Здесь все так делали, чтоб не тратиться на накидки.

В новом своем обличье Лиза себе до того понравилась, что с трудом оторвалась от зеркала, заставила себя раздеться и лечь в постель, а не бежать за приключениями тотчас.

Ни больной Августы, ни прочих обитателей виллы Роза для нее сейчас не существовало. Как и всегда, она была всецело во власти своего нового, мгновенного желания, за исполнение коего готова была отдать всю остальную жизнь.

Лиза насилу дождалась утра. Когда ни свет ни заря Чекина явилась ее будить, была уже на ногах. Подобрав шумные башмаки и подхватив подол, она прокралась по лестнице, выскользнула в дверь, пролетела по чисто выметенным аллеям сада к тому месту, где ракушечная стена немного обвалилась, ловко одолела ее и бесшумно побежала по замшелой мостовой...

Чекина вчера предлагала сговориться с Гаэтано, чтобы он отворил ворота, да Лиза отказалась. Не то чтобы опасалась, что Гаэтано выдаст ее, да если и так, какое такое преступление она совершила? Накопившаяся усталость или что другое было виной, но Гаэтано давно разонравился ей, и порою его угодливая улыбка казалась ей притворной и внушала нечто среднее между страхом и отвращением. А началось все с рассказа Гаэтано о том, как он бедствовал, не мог отыскать работу, ибо все признавали в нем чужеземца, и принужден был продаться за ничтожную плату на галеры, где таких, как он, приковывали цепями к скамьям вместе с закоренелыми преступниками. При этих словах перед Лизою с ужасающей ясностью возникло все, что в ее прошлом связано было со словом «галера». Она вспоминала людей, отдававших жизни свои, лишь бы не быть рабами, и почувствовала, что Гаэтано утратил здесь, на чужбине, те свойства, кои являются главным стержнем души всякого славянина: неудержимое стремление к свободе, невозможность терпеть над собой любое господство. А еще пуще опротивел ей Гаэтано тем, что при воспоминании о галере перед нею вновь всплыло лицо Леха Волгаря, воспламененного победою над Сеид-Гиреем, и все, что последовало потом... Нет, отныне она старалась пореже видаться с Гаэтано и ни за что не хотела пользоваться его помощью в своем авантюрном предприятии!

* * *

День обещал быть теплым, если не жарким, но утренний холодок пробирал до костей, и Лизе все-таки пришлось поднять верхнюю юбку и закутаться в нее. При этом она не ощутила ни малейшей неловкости, словно всю жизнь только так и делала.

Несмотря на ранний час, маленькая площадь, на которую наконец выскочила Лиза, была полна народу. Это была рыночная площадь, и Лиза с восторгом нырнула в ее суету и толкотню. Ее давно тянуло побывать на базаре. Но разве княжна Измайлова могла позволить себе такую роскошь?! На этом рынке Лиза могла столкнуться с Хлоей или синьорой Агатой Дито, не опасаясь быть

узнанной, словно и впрямь перестала быть собою. Теперь она была обыкновенной итальянской девушкой, высокой и статной, кожу которой солнце позолотило вольным и прекрасным загаром. Такою же, как все: одетой, как все, вот только волосы русые.

Лиза бродила меж лавчонок, невольно сравнивая эти торговые ряды с нижними рядами на берегу Волги. Здесь все: и лавочки, и возы, заваленные плодами, всего более померанцами и виноградом, и женщины в грубошерстных шалях или накинутых на голову юбках, и оживленно жестикулирующие продавцы – все казалось ей каким-то ненастоящим, будто взрослые люди собрались поиграть друг с другом в продавцов и покупателей. Наверное, дело было в итальянской речи, которая всегда веселила Лизу своей стремительностью и звонкостью. Здесь, на рынке, она понимала вдвое меньше слов, чем обычно; и порою казалось, что ее посадили в клетку со множеством пестрых, веселых, шумных птиц, каждая из коих кричала свое, мало заботясь об окружающих. Оживленные, смеющиеся, загорелые лица цветочниц и огородников радовали взор; почти не было нищих или оборванцев, непрременной принадлежности всякого людского сборища в России, которых Лизонька дома всегда безотчетно боялась. Взгляд не омрачался зрелищем грубой дикости, и самая суতোлка казалась деятельной. Лиза видела, что всем этим людям в удовольствие общаться друг с другом, потому торг превращался в красочное представление.

Наслаждаясь разнообразными картинами жизни, Лиза сновала туда-сюда, приценивалась, приглядывалась, отвечала на шуточки и смеялась, когда смеялись все; насыщалась осенним пиром природы, отщипывая виноградинку с кисти, съедая ломтик сыра с ножа, отламывая кусочек от лепешки, бросая под ноги рыхлую оранжевую кожуру померанца, брошенного ей с воза какой-то веселой девушкой, останавливаясь послушать мгновенно вспыхнувшую и так же мгновенно погасшую перебранку двух кумушек, восседавших на высоких возах с кукурузною мукою, из-за покупателя, который в конце концов ушел к третьему возу; приостановилась над маленькой чумазой девочкой, которая нянчилась с хромою сорокою, сидя прямо на булыжной мостовой.

Она вымыла липкие от фруктового сока руки в бронзовом фонтане прямо посреди площади и невольно загляделась на хорошенькую гризетку, пришедшую купить себе новое ожерелье. Одетая в черную мантилью, она изящно приподнимала многочисленные юбки, чтобы не запылились, а заодно – чтобы показать белый чулок, дорогой башмачок и стройную ножку, с привычным стремлением обольщать кого угодно, пусть даже того здорового

крестьянского малого, который уставился на нее разиня рот и выпустил из рук корзину с репою. Репа раскатилась по площади, жена ротозея с воплем принялась дубасить его по широченной спине, а причина сего переполоха плавно двинулась дальше с томной, нежной улыбкой.

Купив себе ожерелье, красотка удалилась, и Лиза тоже решила подойти к продавцам кораллов.

Один торговец выкрикивал, что его кроваво-красные «draconites»[12 - Кораллы (ит .).] в течение веков хранились в безднах моря какими-то особенно свирепыми морскими чудовищами. Другой живописал, как адриатические водяные царицы сами подарили ему эти нежно-розовые кораллы и поведали, что красавица, их надевшая, никогда более не потеряет свежести своего лица и такого же, как они, розового цвета своих щечек.

Будь у Лизы хоть монетка, она купила бы себе ожерелье, пусть самое простенькое, но денег не было – оставалось лишь любоваться. И она любовалась до тех пор, пока жара не заставила ее сбросить с плеч подол юбки. Опомнясь, Лиза глянула в небо, да и ахнула – солнце катилось к полудню! Сколько же часов проходила она по рынку, забыв обо всем на свете?! Надо бежать отсюда, если хочет сегодня увидеть еще хоть что-нибудь.

Не задумываясь, метнулась за первый же угол, потом свернула еще раз, пробралась через маленький лабиринт переулков и оказалась на улице, более напоминающей длинный и узкий коридор между высоких каменных стен, которые порою клонились друг к другу, точно хилые старцы.

Над головой виднелась полоса яркого, голубого неба, залитого солнечным светом; на самой же улице были прохлада и полумрак. По обеим сторонам ее тянулись мастерские, лавки, харчевни. Столяры, поставив на тротуары свои станки, строгали и пилили около самых дверей; сапожники шили сапоги, сидя на порогах; женщины чинили платья, возились с детьми и даже стирали опять-таки у самых дверей, потому что ни в мастерских, ни в лавках не существовало другого источника света и тепла, кроме дверей.

Тротуары были столь тесны, что прохожие двигались также и по мостовой; но вот по булыжникам застучали колеса экипажа, и все, в их числе и Лиза, бросились врассыпную, прижимаясь к зданиям и заходя в отворенные двери, ибо

громоздкая карета едва не задевала боками стен.

Лиза зажмурилась, зажала ладонями уши, силясь уберечься от назойливого скрипа, а когда открыла глаза и опустила руки, увидела, что стоит возле каменной щели, из которой исходит сырой сумрак рядом, прямо на мостовой, подстелив под себя только кучку тряпья, сидит худая горбоносая старуха, с ног до головы закутанная в рваную, грязную шаль, и торопливо переговаривается с каким-то юношей, низко склонившимся к ней. При этом старуха вертела в костлявых пальцах монетку в одно сольди, как видно, только что от него полученную.

Лиза невольно прислушалась и не сразу поняла, что этот юноша жаловался старухе на свою горькую судьбу. Оказывается, была у него любовница – молодая женщина, ревнивый супруг которой и по сю пору оставался в неведении, что у него «на лбу прорезались зубы»; но вскоре выяснилось, что юный любовник сравнялся с этим остолопом, ибо красотка дурачила их двоих с третьим...

– Вот ведь болван! – ворчала старуха так яростно, что завиток седых волос, выросший из большой родинки на ее морщинистой щеке, колыхался, будто куст под ветром, но тут же начинала слезливо причитать: – Несчастный юноша! С этакой дурой связался, еще и сокрушаешься, что она тебя бросила? Разве она нужна такому красавцу, как ты?! Что у ней? Кроме дырявой юбки, и нет ничего! Воровка она – вот кто!

Выпалив все это одним духом, старуха сунула блестящую монетку в ворох своих лохмотьев, где та бесследно канула, и повернулась к Лизе, мгновенно позабыв прежнего клиента. Сморщенный лик ее, только что озабоченный и даже сердитый, вдруг просиял ласковою беззубою улыбкою, и старуха сладко запела:

– Иди ко мне, моя ласточка! Не плачь, позабудь свою печаль. Старая *consolatrice*[13 - Утешительница (ит .).] подскажет тебе, как выпутаться из беды!

Не дав Лизе опомниться, старуха, бывшая не кем иным, как римской гадалкой-утешительницей, мастерицей своего дела, которая зарабатывала на жизнь тем, что утирала чужие слезы, простонала:

– Бедняжка! – Но тут же сменила тон: – Ты ведь дура. Этакого болвана полюбила, да еще сокрушаешься, что он тебя бросил! Матери у тебя нет, бить тебя некому,

вот что. Ты посмотри, какое лицо бог тебе дал, а ты путаешься с разными оборванцами, у которых и штаны-то все в дырках. А ведь тебе стоит только захотеть, и у твоих ног будут графы и князья... да вот хотя бы – погляди! Чем тебе не поклонник?!

И гадалка внезапно толкнула Лизу в объятия того самого юноши, которого только что утешала и который еще не ушел, а с видимым удовольствием слушал ее болтовню, не без любопытства озирая при этом Лизу.

– Милуйтесь, голубки! Целуйтесь, воркуйте! – великодушно махнула рукою консолатриче, да вдруг спохватилась: – Эй, красотка! А где мои сольди?

Лиза вздрогнула. Чем же она заплатит старухе? Ох, что сейчас будет... Она незаметно подобрала юбки, собираясь задать стрекача прежде, чем скрюченные пальцы консолатриче снова вцепятся в нее. Если бы только ее не держал так крепко сей неожиданный «поклонник»!..

Она испуганно взглянула на него и встретила мягкую улыбку карих глаз.

– Спасибо тебе, консолатриче! – негромко промолвил он, и голос его был мягок и приятен. – Может быть, и впрямь на сей раз повезет нам обоим. А за мою новую подружку я сам заплачу, не бойся.

Сунул старой гадалке монету и, не слушая привычной льстивой благодарности, торопливо зашагал прочь, не выпуская Лизиной руки, так что Лиза принуждена была чуть не бегом следовать за ним.

Они шли и шли, и Лиза, искоса поглядывая на профиль своего спутника, тонкий, словно очерченный солнечным лучом, слышала свои шаги какими-то особенно глухими, словно бы звучащими издалека. Она улавливала их эхо – некий след, остававшийся в воздухе и словно бы уводивший за собою в другую жизнь, в другую судьбу, в другой строй мыслей, и чувств, и даже воспоминаний... И Лиза без запинки выпалила, когда он спросил, как зовут ее:

– Луидзина.

– А меня – Беппо... Джузеппе.

6. Чучельник Джузеппе

– Зачем ты надела это платье? Ведь сразу видно, что оно совсем не твое! – вдруг сказал Джузеппе.

Лиза так и ахнула. Впрочем, она и сама не знала, что чувствует сейчас: изумление от его пронизательности или же обиду, что не нравится ему в этом наряде.

Беппо глядел чуть исподлобья, усмехаясь.

– Успокойся. Никто, кроме меня, не заметит, что оно чужое. Я о другом говорю. Человек, даже переодеваясь, даже меняя личину, должен помнить о том, кто он есть на самом деле. Иначе очень легко забыться и потерять себя. Да ты хоть понимаешь, о чем я говорю? – воскликнул он с досадою, видя, что Лиза не слушает, а так и шныряет глазами по сторонам.

Ни в приволжском лесу, ни в калмыцкой степи, ни даже на Карадаге не видела она такого сонмища самых разных птиц. Здесь были филины и сойки, орлы и скворцы, голуби и ласточки, соколы и синицы, воробьи и рябчики и еще множество, великое множество птиц – от огромных, с крыльями в добрую сажень, до вовсе крохотных, сверкающих так, словно они изукрашены самоцветами. Казалось, в лавке должен стоять разноголосый свист и гомон. Однако здесь с полумраком соседствовала тишина, какая бывает только в лесу, в часы безветренного вечера. Птичье царство, чудилось, все разом попало в золотую сеть молчания и неподвижности. Немалое минуло время, прежде чем Лиза наконец поняла: пред нею не живые птицы, а всего лишь их чучела: вот чайка зажала в клюве высушенную, каменно-твердую рыбешку; вот цапля, грациозно поджав одну ногу, выцеливала острым клювом лягушку среди зарослей мертвого, желтого камыша. Зимородок, раскинув бирюзовые, блистающие крылья и вскинув алую головку, цеплялся коготками за рыболовную сеть, повешенную на стене... Чучела, исполненные с великой точностью, великим тщанием и великим мастерством!

Лиза все время безотчетно ждала, что вот-вот из уст Джузеппе прозвучит некое магическое слово – и тишина сменится кликаньем, хлопаньем и свистом крыл; в

считанные минуты лавка опустеет; Лиза останется одна: птицы улетят, прихватив с собою и повелителя своего... Но волшебное слово не звучало, и Лиза решилась спросить:

- Это все твое?

- Мое, - кивнул Беппо. - Ведь я - чучельник.

- Зачем ты это делаешь?

- На продажу. Это мое ремесло. Я этим живу.

- Живешь? - возмутилась Лиза. - Ты живешь, убивая всех этих птиц? Такую красоту! И не жалко тебе их?

- Да я еще ни одной в жизни не убил! - вспыхнул Беппо. - Я покупаю их у охотников, у ловцов уже мертвыми. Иногда езжу в горы, на берег моря, в леса - ищу погибших птиц.

- А зимой, в морозы, они, наверное, замерзают на лету и падают наземь? - задумчиво спросила Лиза, но тут же, увидев изумление в глазах Джузеппе, спохватилась, что сболтнула лишку.

- Да кто же ты такая? Не итальянка, сразу видно, - проговорил он с той же мягкой усмешкой, которая с первого раза покорила Лизу и преисполнила странным доверием к незнакомому юноше. Ей даже стоило некоторого труда вернуться в мир притворства и солгать; не слишком-то, впрочем, ловко, ибо к такому вопросу она не была готова.

- Я... я гречанка! - промямлила она и не очень удивилась, когда Беппо расхохотался.

- Гречанка?! - И вдруг затараторил нечто, звучавшее для Лизы сущей тарабарщиной: - Альфа, бета, гамма, дельта, сигма, эпсилон...

- Что это такое? - с досадой перебила Лиза.

– Что? – нарочито удивился Джузеппе. – Это ведь буквы вашего греческого алфавита! Но, может быть, ты не умеешь читать и писать и не знаешь букв?

– Я умею читать и писать! – возмутилась Лиза, да и осеклась. – То есть...

– Лучше не врать, – дружески посоветовал Беппо. – Чем больше врешь, тем больше запутываешься. Есть, конечно, изощренные лжецы, которым все как с гуся вода. Но тебе пока до них далеко, не так ли?

Лиза кивнула, удивленная, почему он сказал: «пока». Разве ей предстоит сделаться отъявленной лгуньей? И если даже так, то откуда ему знать?

– Стало быть, в сильные морозы птицы замертво падают наземь? – задумчиво произнес меж тем Джузеппе. – Есть лишь одна страна, где мыслимо такое. Это северная страна – Россия, так ведь?

– Ты бывал в России?! – вскричала Лиза, от восторга забыв об осторожности.

– Пока нет, – отвечал Беппо, вновь подчеркнув это «пока». – Но непременно буду. Я окажусь там... – Он напряженно сощурился и наконец проговорил задумчиво: – Я окажусь в Санкт-Петербурге в 1779 или 1780 году. Да, пожалуй, именно так. Наш лживый и комедиантский век не оценит меня, но ты запомни мои слова. – И, не дав Лизе издать нового изумленного возгласа, произнес торжественно: – Так, значит, ты русская! О, эта нация еще натворит великих дел! Буду счастлив повидаться с тобою в Санкт-Петербурге, милая Луидзина!

– Ох, хватит болтать! – отмахнулась Лиза, поняв наконец, что ее попросту дурачат, а она и уши развесила. – Эта лавка принадлежит тебе или твоему отцу? – спросила она, потому что он был слишком молод, не более восемнадцати, чтобы иметь свое собственное дело.

– Не моя, но и не отца моего. Он вообще живет в Палермо. Это человек почтенный: торговец сукном и шелком. К тому же набожный католик. Он и меня отдал было в семинарию Св. Роха, да я убежал.

– А что же отец?

- Отец снарядил за мною погоню.

- И поймали? - ахнула Лиза.

- Поймали! - кивнул Беппо. - По собственной моей глупости. Воистину, если вы хотите, чтобы все вас притесняли, будьте справедливы и человечны! Меня предал человек, которому я помогал... Да я о том и не жалею. На сей раз заточили меня в монастырь Св. Бенедетто, что близ Картаджионе. Я всегда имел склонность к естественной истории, к ботанике и поступил на выучку к монастырскому аптекарю. Был он человеком малосведущим, но кое-чему я от него все-таки научился, а пуще всего - из книг, кои он считал вредными и держал в сундуке под замком. Днем я растирал для него травы и взбалтывал взвеси, а ночью читал Папюса, Нострадамуса, Кеплеруса, Гевелиуса и тому подобных.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Орел (ит .).

2

В 1755 г. корсиканцы восстали против генуэзского владычества. Не будучи в силах самостоятельно подавить восстание, Генуя передала остров Франции. Несмотря на отчаянное сопротивление, Франция в 1769 г. упрочила свое господство над Корсикой. Немалую роль в ее поражении сыграли разногласия среди лидеров восстания.

3

Falkone – по-итальянски «сокол».

4

Княгиня (ит .).

5

Персонажи произведений В. Шекспира, Апулея, М. Лафайета и А. Прево.

6

8 октября по ст. стилю, день начала зимы.

7

Антиной – греческий юноша, сводивший с ума людей и богов своей красотой.
Серапис – египетско-эллинское божество, отождествлявшееся иногда с Аполлоном. Здесь имеется в виду статуя Антиноя, выполненная в египетском стиле; подражание статуе Сераписа, воздвигнутой в настоящем Канопе – месте паломничества египтян в Александрии.

8

Ветер! Попутный ветер! (ит.)

9

Ваше сиятельство (ит.).

10

Звательный падеж в украинском языке от слова «ненька» – мать, няня.

11

Древнеримское наименование лесного бога.

12

Кораллы (ит .).

13

Утешительница (ит .).

Купить: <https://tellnovel.com/elena-arseneva/vozlyublennaya-kazanovy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)